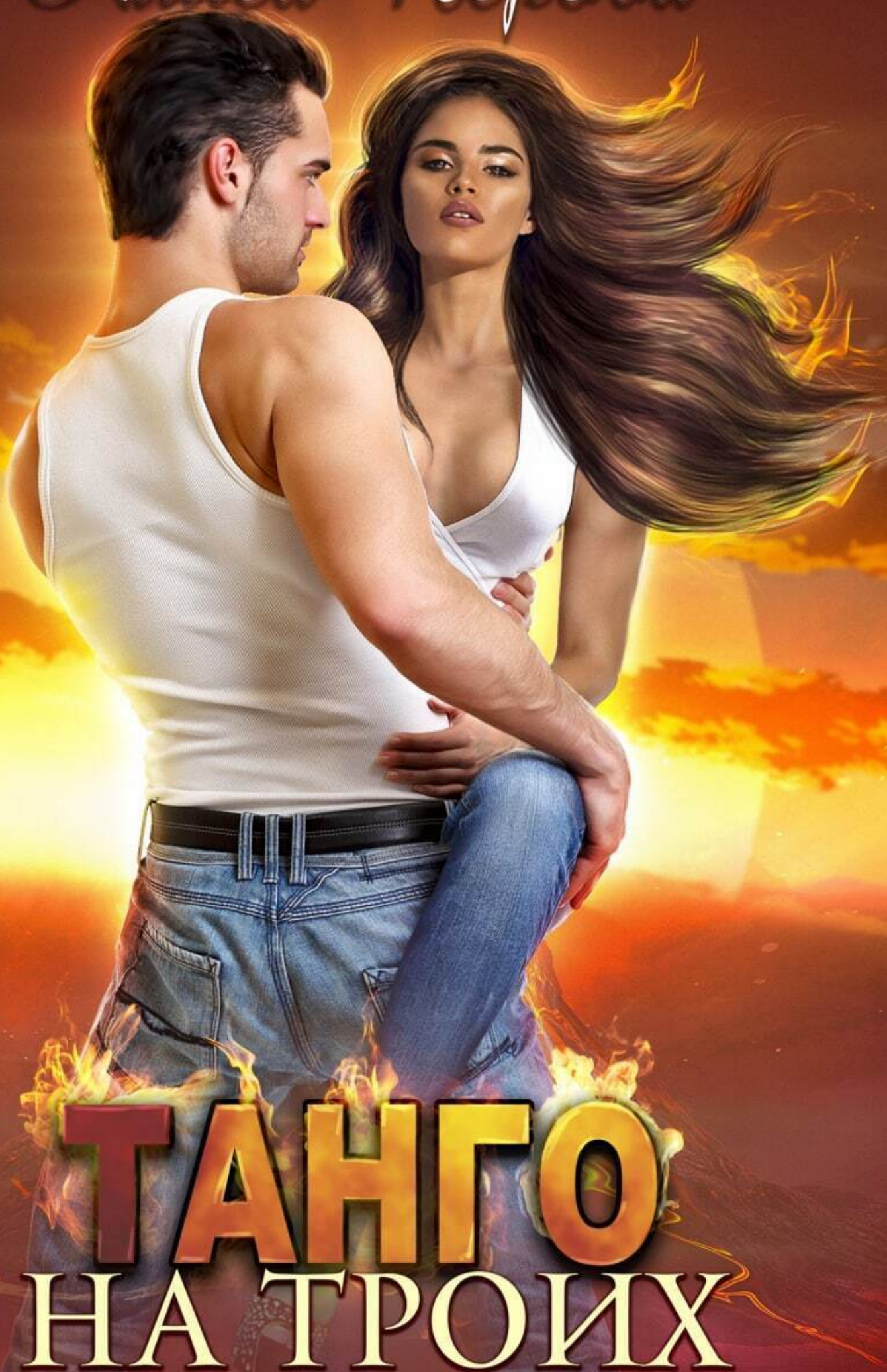

Амса Нерова

В ритме танго

Алиса Перова
Танго на троих

«Автор»

2020

Перова А.

Танго на троих / А. Перова — «Автор», 2020 — (В ритме танго)

То, что не смогло её уничтожить, сделало сильной и опасной. После долгого отсутствия Диана возвращается на родину, чтобы громко напомнить о себе и «раздать долги» – она жаждет прощения и мести. Расчётливая, дерзкая и ослепительно прекрасная, Диана легко заводит полезные знакомства, а заодно присматривает подходящего кандидата на роль фиктивного мужа. В книге присутствует нецензурная брань!

© Перова А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	5
Предыстория	6
Глава 1	14
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	30
Глава 7	33
Глава 8	40
Глава 9	45
Глава 10	49
Глава 11	53
Глава 12	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Алиса Перова

Танго на троих

Пролог

– Детка, у меня ощущение приближающейся катастрофы.
– Думаешь, самолёт неисправен?
– Думаю, ты вообще летишь не туда. Эта дикая страна проглотит тебя. Ди, да услышь ты меня, наконец! Я не готов тебя потерять! Плюнь на всё это и давай вернёмся во Францию! – и столько отчаяния в голосе... во взгляде.

Господи, ну сколько можно?!

Я с раздражением захлопнула чемодан и обернулась.

«Так я никуда не улечу», – подумала, растворяясь в беспокойном взгляде шоколадных глаз. Похоже, матушка-природа сотворила этого парня в состоянии экзальтации. И вряд ли ей удастся что-нибудь подобное в ближайшую тысячу лет.

– Ох, ну куда же я от тебя денусь? – шепчу с нескрываемой нежностью, вмиг растеряв нахлынувшее раздражение.

– Ди, все эти твои авантюры... они здорово меня пугают.

– Вот уж не думала, что тебя так легко напугать, – усмехаюсь. – Но не о чем волноваться, милый, я же профи. А ты, как закончишь дела, можешь прилететь ко мне и проконтролировать процесс.

– Даже и не надейся, что я этого не сделаю, – он угрожающе наставляет на меня палец, но вдруг озадаченно хмурится: – Паршиво только, что я плохо знаю русский.

– Ты вообще его не знаешь! – развеселилась я. – Зато теперь у тебя имеется мощный стимул для того, чтобы пополнить свой скудный словарный запас.

– Даже не сомневайся, мне...

Громкий телефонный звонок, к моему облегчению, прервал наш диалог и известил о прибытии такси.

– Детка, ну почему я даже не могу проводить тебя? Мы могли бы побыть вместе ещё немного...

Я вздыхаю, но в ответ не произношу ни слова. Это риторический вопрос, и ответ ему известен.

Самый красивый в мире мужчина подаётся мне навстречу, резко притягивает к себе, буквально вдавливая в своё тело, и жарко шепчет в висок:

– Детка, я такой слабак... но ничего не могу с этим поделать. Совсем не умею с тобой расставаться. Знаешь, я уже готов отстреливать всех русских членосцев с их грязными фантазиями.

Я обвиваю руками его шею, вдыхаю одуряющий аромат его кожи, и в этот момент ненавижу вовремя приехавшего таксиста, готовящегося к вылету пилота... И даже страну, в которой обуглилась моя душа, но куда я непременно должна вернуться, чтобы раздать долги... И чтобы прошлое перестало меня терзать и, наконец, позволило без оглядки рвануть в моё будущее.

Уже по пути в аэропорт воспоминания обрушиваются на меня мощным, наэлектризованным потоком. Воспоминания со вкусом пепла...

Всё началось в тот страшный зимний день, перевернувший всю мою жизнь. Даже спустя годы я буду помнить его по минутам...

Предыстория

– Какая же ты у меня красивая, Вишенка!

В мягком голосе мамы столько нежности и восхищения, что моё сердце заходится в ускоренном ритме, а волнение в глазах, отражённых в огромном зеркале, сменяется восторженным блеском. Вот как у неё это получается – всего несколько ласковых слов и я, как энерджайзер – бодрая, сильная и готовая побеждать.

Сегодня я в ударе – танцую, как взрослая, роковая соблазнительница. Витёк старается соответствовать и, как всегда, не подводит. Он замечательный партнёр – внимательный, заботливый и по уши влюблённый в меня. Мы феерично завершаем свой не по-детски страстный танец, и толпа зрителей взрывается аплодисментами, свистом и восторженными воплями. С ослепительной улыбкой, запыхавшаяся, я выхватываю из толпы единственный важный для меня взгляд – любимых глаз моей мамы. Мамочка счастлива – и я ликую.

С торжествующим видом высматриваю в переполненном зале своих друзей. Дашка с Янкой сорвались с места, прыгают и орут, как умалишённые – они, конечно, рады за меня. Танька лениво аплодирует с постным лицом, а поймав мой взгляд, тоже натягивает улыбку – завидует, жучка. Все наши пацаны выражают искреннее восхищение и выкрикивают моё имя. А я щедро раздаю воздушные поцелуи в толпу и, поддерживаемая за поясницу заботливым партнёром, гордая, как королева Англии, ухожу со сцены.

Свист и аплодисменты за спиной не утихают – это победа! Нет никаких сомнений и, судя по кислым физиономиям наших соперников, они это тоже поняли. А Серёжа в эйфории, он сгребает нас с Витьком в охапку – прижимает, целует... И в порыве чувств подхватывает меня на руки и кружит, восклицая, что я его гордость, награда и вообще – просто бомба!

– Не надорвись своей бомбой, – слышу злобное шипение.

Оглядываюсь – Светка. Она даже не пытается скрыть ненависть и, сверля меня яростным взглядом, произносит одними губами: «Корова». Но внимательный Витёк всё замечает и тут же заводится:

– Варезку захлопни, вобла страшная.

Светкин партнёр даже не пытается защитить свою даму – связываться с Витьком себе дороже. Но настроение мне уже подпортили – напомнили, что я неформат.

Среди участников конкурса я самая младшая и самая крупная. И если мой возраст, а мне двенадцать лет, ничем себя не выдаёт, так как выгляжу я на все пятнадцать, то мою тушку в облегающих алых лоскутках, увы – никак не замаскируешь. Моя сытая попа никак не тянет на двенадцатилетнюю и даёт приличную фору даже моим взрослым конкуренткам, опережающим меня по возрасту на три-четыре года. Но Серёжа, тренирующий меня с девяти лет и наблюдающий за метаморфозами моего юного тела, совершенно не волнуется за мой «неформат» и пророчит мне покорение самых престижных вершин. С его слов, меня непременно ждёт танцевальный Олимп.

Да уж, такой задницы на Олимпе ещё не видели.

Стараюсь отбросить неприятные мысли и проникнуться торжеством момента, когда неожиданно слышу французскую речь:

– М-мм, какая сладкая, горячая малышка! А неплохо зажгла, да? Только где же девочка потеряла свои сиськи? А хотя ещё юная ведь совсем, может отрастут...

Поверить не могу, что я это слышу! Озираюсь по сторонам, чтобы оценить реакцию окружающих, и до меня вдруг доходит, что остальные просто не понимают неприличные высказывания иностранца. Ищу глазами обладателя тягучего голоса и упираюсь в насмешливый, но заинтересованный взгляд карих глаз. Вот он, с Олимпа спустился – высокий, красивый, тем-

новолосый БОГ. Бог хамства! И мой, не по годам, дерзкий язык выдаёт ответку на великолепном французском:

– О, у меня такие прекрасные гены, мсье, что пропажа непременно найдётся и, поверьте, ещё всех вас удивит.

На наглой смазливой морде француза изумление, шок и... восторг. Невзрачная переводчица с трудом подбирает отвалившуюся челюсть и, похоже, забывает французский. Но нам с мсье она не нужна.

– Какой сладкий, дерзкий ротик! И как же тебя зовут, мой персик? – мурлычет француз, а меня бросает в краску. Но мои смуглые щёчки хорошо маскируют смущение.

Вокруг нас шумное оживление, поздравления, Витьку жмёт в опасных объятиях его бегемотоподобная маман, а Серёжа, внезапно заинтересованный иностранным гостем, пытается выйти ним на контакт. Он подключает к беседе озадаченную переводчицу и плотнячком садится на уши французу – мсье Андре, как выяснилось. И давай меня расхваливать! Вот же гадство!

Когда-нибудь Серёжу разорвёт от гордости за все мои успехи. Ну что за трепло?! Судя по ошарашенным вытянувшимся лицам иностранца и его переводчицы, мой возраст их впечатлил, потому что прямо сейчас они беззастенчиво шарят по мне недоверчивыми взглядами и явно пытаются нащупать, в каком месте проявятся мои двенадцать.

В свидетельстве о рождении, дурачки!

– Дианка, Вишенка моя, какая же ты у меня умница! – мелодичный голос моей мамы прерывает Серёжину пламенную речь. – Самая лучшая!

Мамочка нежно меня обнимает, а мсье Андре, глядя на неё, уже делает стойку и едва не захлебывается слюной. Вот сейчас ещё мама узнает, что он француз, и хана – считай, оба потеряны для общества.

2

Победители объявлены. Наше финальное аргентинское танго окончательно разбило всех соперников. Мы с Витьком вышли на новый уровень, получив звание лучших танцоров страны в молодёжной группе. Подозреваю, что это уже Эверест.

Если бы я могла только знать, что это моя пропасть...

С немалым трудом мне удалось ускользнуть от галдящей толпы танцоров, организаторов, родственников и бог знает, кого ещё. По пути в раздевалку замечаю дверь служебного помещения и спешу туда. Не желаю сейчас соваться в общую уборную, набитую менее удачливыми соперницами, где зависть и злоба сгущают и портят воздух.

Я умею за себя постоять и вовсе не боюсь этих злобных фурий, но так хочется сохранить праздничное настроение и немного побыть в тишине. Конечно, я бы сейчас предпочла общество моей мамочки, но француз взялся за неё серьёзно. Интересно, как там Шерхан реагирует на эту сладко воркующую парочку – небось, все зубы в порошок стёр.

Шерхан – это директор нашей школы Шерохин Денис Павлович, мужчина очень мощный и грозный. Тигрище – р-р-р! Ну, для кого-то, может, и грозный, а рядом с моей мамочкой – мягкий, плюшевый и даже симпатичный. Влюблённый по уши Шерхан давно превратился в неотступную тень моей мамочки, преподающей в нашей же школе французский язык. И ведь, казалось бы, английский сейчас куда популярнее и важнее, но на уроках очаровательной Елены Ивановны Кузнецовой всегда полный аншлаг.

Мадам в школе любят все. О своём прозвище мама знает давно и даже гордилась им. Сопrotивляться её невероятной харизме просто невозможно. И когда хрупкая белокурая фея с прекрасными голубыми глазами порхает по коридорам школы, источая тонкий, цветочный

аромат, то неизменно тянет за собой бесконечный шлейф восхищённых взглядов. Вот и наш очарованный директор пал жертвой безответной любви.

И вот как, интересно, он сейчас борется с желанием подпортить смазливую физиономию великолепному мсье Андре? Короче, удачи им обоим!

Дверь к служебным туалетам оказалась открыта и внутри никого – красота! – наконец-то тихо. Я люблю тишину и порой в ней нуждаюсь очень остро. Опершись о стену, я прикрываю глаза... Ну что, всё прекрасно – я покорительница танцевального Эвереста и уже на пути к Олимпу! Открываю глаза и смотрю в зеркало напротив. Я знаю, что красива, да и все это видят.

«Дал же Бог, а!..», «Вот ведь природа-матушка постаралась!» – все эти охи-вздохи и комплименты слышать конечно, приятно... Но как бы мне хотелось хоть немного быть похожей на мамочку! И так сложно найти более непохожих, чем мы.

Потому что я креолка. И вся моя экзотическая красота громко вопит об этом. И в этом моя главная трагедия. Нет, я не чернокожая, но в толпе славян мне не удастся остаться незамеченной. Мою смуглую кожу настолько любит солнышко, что приходится старательно избегать прямых лучей, чтобы не превратиться в шоколадку. Уж как меня только не называют – и мулаткой, и метиской... В принципе, я метиска и есть, что означает смешение крови разных рас, хотя той тёмной крови во мне лишь малая доля.

А вот настоящей, жгучей и роскошной креолкой была моя бабка по отцу – красавица Эсмеральда. А впрочем, ни бабку, ни папашу мне так и не посчастливилось увидеть ни разу, а всё, что мне известно о них, я знаю со слов моей мамочки.

Как восторженно рассказывала мама, однажды... в городе её мечты, Париже, ей посчастливилось встретить мужчину её мечты – моего отца. И случилась их любовь с первого взгляда!.. А ещё случилась полная потеря разума и контроля с обеих сторон.

Леночка была любимой младшей дочерью, надеждой и гордостью многоуважаемой четы Кузнецовых. Мой дед, Иван Ильич – о-очень уважаемый учёный, профессор лингвистики, доктор наук и бла-бла-бла... Короче, он души не чаял в младшенькой и ловко стелил для неё дипломатический карьерный путь. И вот когда в планы жутко-важной делегации, отбывающей в Париж с дипломатической миссией, вторгся форс-мажор, то мой ушлый дед мгновенно сориентировался – и одарённая студентка Леночка рванула за своей мечтой. Не иначе, как провидение внезапно вышибло из обоймы сразу двух переводчиц. «Это судьба», – вспоминала моя мамочка с блуждающей загадочной улыбкой на губах.

Вот ведь судьба!..

Рассматривая своё отражение в зеркале, я вдруг с досадой вспомнила: «Потеряла свои сиськи». Да где ж потеряла-то?! Я наоборот – очень стесняюсь своей, уже прилично выпирающей груди. Но, надеюсь, теперь, когда наглоющий мусьё выяснил, что я маленькая девочка, ему станет стыдно за свои опрометчивые слова.

Хм, да уж, маленькая... Кто вообще способен заподозрить во мне малышку? И как такому миниатюрному эльфу, как моя мамочка, удалось произвести на свет такую корову? Кому сказать спасибо за гены? Эльвира, моя бабка по маме, всегда была худая, как швабра. А её старшая дочь Надежда даже после вторых родов осталась стройной. И дочка этой тётки Нади тоже тощая, как спичка. И ведь все они светловолосые и белокожие!.. И только я одна, будто подкидыш из племени толстожопых индейцев.

Криво улыбаюсь своему отражению и поворачиваю к выходу.

– Динка, твою мать, где ты ходишь? – прямо на меня стремительно летит Витёк.

– Фи, Виктор, что за тон? – наигранно возмущаюсь. – Меня и не было каких-то пять минут...

– Ага, десять из которых я разыскиваю тебя по всему этажу. Мадам, между прочим, на грани паники! – Витёк приобнимает меня за плечи, уводя к раздевалке.

– И вы наверняка подумали, что конкуренты закапывают мой холодный трупик на заднем дворе? – хихикаю я.

– Не смешно, – недовольно бухтит Витёк.

– Диана! – мама перехватывает меня у дверей раздевалки и взволнованно смотрит в глаза.

Ну, раз не «Вишенка», значит, действительно разволновалась. Моё сердце наполняется нежностью, и я порывисто обнимаю её, маленькую, трогательную и такую родную. За маминей спиной неловко переминается с ноги на ногу мсье Андре, как-то вмиг растерявший свою божественную ауру. И неудивительно – рядом с моей мамулей все альфа-самцы быстро теряют свой напускной лоск и выглядят растерянными мальчишками.

– Мам, ну ты что, потеряла меня? Прости, не хотела тебя отвлекать от нового знакомого. И как он? – я стрельнула глазами в сторону француза, а мама обернулась и залилась румянцем. Ну как школьница!

– Боже мой, Вишенка, какая же ты у меня взрослая, – она смущённо улыбается. – Кажется, ты слишком много читаешь, милая, надо бы вернуться к сказкам и мультикам.

– Девочки мои, вот вы где! – рядом возник Шерхан. Прямо почувствовал, что его здесь не хватает.

Витёк тут же исчез, а всеми забытый француз изо всех сил попытался изобразить достойную мину, типа он в теме беседы. Шерхан злобно на него зыркнул и свирепо раздул ноздри, а уже в следующий миг сжал меня в медвежьих объятиях.

– Дианка, дорогая ты моя, поздравляю! Ты ж у нас теперь не только гордость школы и города... а всей России! Да мы с тобой... у-у-ух!.. Так, а где, кстати, наш Виктор?

– Спасибо, Денис Палыч, мы старались. А Витёк переодевается... так что я тоже побегу... Ага?

Но, прежде чем рвануть в раздевалку, я повернулась к маме и шепнула:

– Мамуль, мне кажется, наш почётный гость сейчас заплачет, – кивнула на француза. – Ты возьми его пока под своё крылышко, а я к вам скоро примкну и вместе на банкет поедem. А, кстати, куда он дел свою облезлую фрейлину?

Я поискала глазами переводчицу и, подмигнув потерянному французу, скрылась в раздевалке.

3

Оказывается, не все ещё разошлись. Светка, уже вся расфуфыренная, подхватила свой розовый баул и устремилась к выходу, состроив мне презрительную гримасу. Странно, даже ничего не съязвила. В раздевалке остались только две девочки.

– Поздравляю, Диан, это было круто! – тоненькая, черноглазая Ирочка улыбается и кажется искренней, но я не успеваю её поблагодарить...

– Ага, очень круто! – злобно выплёвывает длинноногая рыжая мегера, очень взрослая и опасная. – Что, насосала победу, чемпионка сопливая?

В одном нижнем белье и чулках она приближается ко мне, покачивая роскошными бёдрами.

– Девочки, вы чего... перестаньте, – испуганно лепечет Ирочка.

Я стараюсь подавить неприятный страх, а ещё стыд и отвращение от пошлых намёков рыжей. Но проглотить оскорбление не могу и выдаю ответку:

– А ты что же, насосала только на бронзу? Наверняка потому, что много метёшь языком не по назначению, теряешь навыки. Потренируйся со своим партнёром, кобыла престарелая.

Кобыла вдруг всхрапнула, стремительно проскакала ко мне и, грязно ругаясь, вцепилась в волосы. Вот дура – чуть хвост мне не вырвала! Больно, конечно, но я стараюсь не поддаваться панике – зажимаю в кулаке правой руки большой палец, определяю мишень и резко

атакую рыжую кобылу в ярко покрашенный прищуренный глаз. А-ш-ш, как же руку больно! Мои волосы теперь свободны, но кисть руки горит от боли. Ирочка испуганно визжит, а Рыжая, сидя на корточках, рычит и прикрывает глаз обеими руками. Внезапно дверь в раздевалку распахивается и врывается толпа.

Ох, откуда, блин, столько?

Спустя полтора часа я всё ещё в раздевалке и всё ещё в алых лоскутках, именуемых платьем. Группа поддержки, надо сказать, у меня получилась мощная. А в качестве тяжёлой артиллерии в мою защиту выступил почётный французский гость, мсье Андре, дав звёздный шанс своей переводчице. Конфликт, в результате, замяли, а пострадавшей рыжей кобыле пригрозили дисквалификацией.

Я бы порадовалась, что всё так замечательно разрешилось, если бы не мама. Как же она, бедная, за меня испугалась! Моя неконфликтная мамочка крепко прижала меня к себе и выглядит такой несчастной и потерянной. Хорошо всё-таки, что с нами рядом Шерхан, он точно придумает как её отвлечь.

Не без труда убедив маму, что всё в порядке, я вручила её заботам Шерхана и осталась в раздевалке со своими близкими подругами. Они долго и горячо мусолят возмутительный инцидент. Дашка смачно матерится, Янка показывает, как бить аккуратно, но сильно, а Танька молча закатывает глаза и ухмыляется.

Я наконец-то снимаю платье и быстро натягиваю серую толстовку. Чёрные джинсы и короткие сапожки завершают скромный ансамбль. Снимая тяжёлый макияж с глаз, я задумалась о маме и чуть не подпрыгнула, когда Дашка заорала мне на ухо:

– Ди, ты что уснула, ты вообще меня слышишь?

Девчонки громко заржали, а Танька, прищурившись, сладенько проворковала:

– Наша шамаханская принцесска размечталась. Никак призовые подсчитываешь, Динка?

Сейчас меня, как никогда, тяготит её присутствие. Танюха всегда мне отчаянно завидовала и не упускала случая, как бы невзначай, вставить острую шпильку по поводу моей круглой попы и неаристократической смуглости. И если я стараюсь всё перевести в шутку, то мои девчонки никогда не прощают критики в мой адрес. К тому же мы все стали замечать активный интерес Таньки к моему партнёру. Собственно, мне всё равно, но Дашка с Янкой считают это подлым предательством и продолжают её терпеть лишь благодаря мне.

Сам же Витёк считает себя моим парнем и кроме меня никого не замечает. Признаться, меня такой расклад вполне устраивает, тем более пацаны из моего класса пока не доросли до меня ни мозгом, ни ростом – ну, абсолютные дети!

– Слышь, Ди, я спрашиваю, нам никак на ваш банкет не прорваться? – не унимается Дашка.

Она явно приготовилась выйти в свет – завila свои густые белокурые волосы в красивые локоны и распустила по плечам. После её вечных хвостиков и косичек выглядит непривычно и симпатично, но даже розовая помада на красивых губах не добавила Дашке возраста. А острые коленки, торчащие из-под платья, делают её хрупкую фигурку трогательной и беззащитной. Как всё же обманчива внешность. Янка же, по своему обыкновению, выглядит бесполой и расхлябанной – прямо бандитка.

Ну и кто их на банкет позовёт? Вот ведь засада!

– Девчонки, насколько я знаю, это закрытое мероприятие, – стараюсь оправдаться. – Я, конечно, спрошу ещё раз, но ничего не могу обещать.

– Да не парься, Динка, срали мы на этот банкет, да, девки? – пытается спасти положение Янка.

– Вот только за всех говорить не надо, – Дашка нахохлилась, сверля подругу злобным взглядом, и та миролюбиво притихла.

Танька же снова закатила глаза, демонстративно выражая своё «фи» невежественным матрёшкам. Как же она меня бесит! Пора её вычёркивать из списка друзей.

– Диана, такси уже ждёт давно, – вторгся в женское царство Шерхан, а следом за ним вошла моя мама.

– Денис Палыч, а как бы нам тоже на банкет попасть? Мы же группа поддержки чемпионов! – завела Дашка свою пластинку.

– Уймись, Полухина, а то я тебе такой банкет устрою! – пытается казаться свирепым Шерхан. – Зайцева, Токарева, на выход. Полухина, и тебя тоже касается, только вас все ждём. Бегом вниз, в автобус!

Девчонки резво рванули из раздевалки, послав мне воздушные поцелуйчики и состроив директору страшные рожицы. Проводив их хмурым взглядом, Шерхан посмотрел на мою маму, и взгляд его сразу потеплел.

– Елена Ивановна, мы возвращаемся домой завтра утром. Если не удастся увидеться до отъезда, я позвоню Вам. Удачи, мои дорогие девочки! Ах, да... – спохватился Шерхан и полез в свой портфель. – Это вот за победу от... администрации школы, – почему-то засмутился наш строгий директор, протягивая мне небольшую коробочку, на которой изображён...

Вау! Йоху! Мобильник! Плоский! Серебристый! МОЙ!

– Сим-карта внутри, – поспешил сообщить Шерхан.

– Денис Павлович... – укоризненно качает головой мама, а я бросаюсь Шерхану на шею и звонко целую в колючую щёку.

– Спасибо, Денис Палыч! Огромное спасибо! – почти визжу от радости.

Он смущён, но видно, что доволен. И понятно, что администрация школы не при делах... Но не пофиг ли мне?! Шерхан неловко мнётся, целует мамины пальчики и поспешно отчаливает.

А ведь если бы он был рядом, не оставил нас тогда – всё могло сложиться по-другому...

4

Вот это день у меня – мечты сбываются!

Из окна такси бросаю прощальный взгляд на Дворец спорта – здание не особо впечатляет, но у меня же Олимп впереди, и дворцы, и палаты!..

– Мамуль, какой сегодня день!.. Это самый счастливый день в моей жизни! – в такси я не отрываюсь от новенького мобильного, изучая меню.

– Уверена, маленькая моя, что таких счастливых дней у тебя впереди великое множество...

Мне совсем не нравится мамин голос, и я отрываю взгляд от телефона. Мамочка вымученно улыбается, а я замечаю на её бледном лице гримасу... боли? Её правая рука за пазухой... Ох!

– Мам! – у меня начинается паника. – Мам, что – сердце?

– Нет, детка... Голова сильно болит... и устала я очень, – слабо возражает она.

Но я ей совсем не верю.

– Мам, где твои таблетки? – лезу к ней в сумочку.

– От головной боли ничего нет, доченька, сейчас купим в аптеке, – мама виновато улыбается и пытается меня отвлечь: – Знаешь, Вишенка... а сегодня на банкете тебя ждёт сюрприз...

Но её голос настолько диссонирует со словом «сюрприз», что даже водитель такси реагирует и поворачивает голову. Я нахожу блистер от нитроглицерина в маминой сумочке, но он пустой.

– Нам в аптеку! – ору водителю.

– Вам в «скорую», – он резко тормозит у обочины, достаёт рацию и передаёт сообщение для «Скорой помощи».

Мамочка больше не пытается меня отвлечь и успокоить – она беспомощно скрючивается на заднем сиденье. А я быстро выскакиваю из такси на проезжую часть улицы, едва не попав под колёса другой машины. Бегу на тротуар и, схватив какую-то тётку за рукав, истерично ору:

– Нитроглицерин! Дайте мне!..

Тётка шарахается в сторону, а я истошно верещу:

– Люди-и-и, дайте нитроглицерин! Пожалуйста!.. Хоть у кого-нибудь есть? Ну, пожалуйста, помогите, люди-и-и! Где здесь аптека? Ну, помогите же!..

Вокруг собирается толпа – всем любопытно, но почему-то никто не торопится помочь. А я мечусь между ними, как безумная, хватаю их за руки, за одежду и скулю:

– Пожалуйста, ну пожалуйста!.. Там ведь моя мама... Ей нитроглицерин... нужен срочно. Помогите ей!

Замечаю, как ко мне спешит пожилая женщина, на ходу копаясь в своей сумке, и протягивает мне такие нужные таблетки. Резко выхватив у неё блистер, срываюсь с места и мчусь к такси. Дверь с маминой стороны открыта и над мамой склонился водитель. Я отталкиваю его...

– Я нашла, нашла!

Мамочка полулежит в позе сломанной куклы. Она не шевелится, глаза закрыты, рот слегка приоткрыт и лицо... лицо такое расслабленное... как будто у неё ничего не болит.

– Боюсь, что поздно, – бубнит водитель и, наверное, я должна что-то понять, но я не хочу ничего понимать и упрямо твержу:

– Ничего не поздно, таблетка ей поможет, – и просовываю в приоткрытый рот капсулу. Не получается...

Визжит сирена «Скорой помощи» – очень быстро приехали. Слава Богу!

Врачи действуют оперативно. Мама у них в машине уже давно – значит, её обязательно спасут.

Господи, пожалуйста, пусть её спасут! Пусть она только выживет!.. А я буду самой послушной, стану лучшей ученицей в школе... во всей стране! Да я перепрыгну этот чёртов Олимп! Я всё сделаю, всё!.. Только, пожалуйста, пусть моя мамочка живёт!

– Это... у меня там коньяк есть... может, глоточек? – таксист заглядывает мне в глаза. – А то ты дрожишь вся...

– Мне двенадцать лет, – зачем-то говорю ему, не отрывая взгляд от «скорой».

Я не буду отводить взгляд, ни за что не отведу – и тогда всё будет хорошо. Так я загадала. Всё обязательно будет хорошо, ведь сегодня у нас с мамочкой самый счастливый день!..

Спустя целую вечность распахивается задняя дверь «скорой» и выходит врач. Я молчу, сцепив зубы, и продолжаю сканировать уже распахнутую дверь. Я не смотрю на врача и внутрь машины взглянуть не решаюсь. Перед собой я вижу только дверь... и не свожу с неё глаз, чтобы всё было хорошо. Так, как я загадала.

– Вы её родственница? – это голос врача.

– Она моя мама, – шепчу, не глядя на него.

– Поверьте, мы сделали всё, что могли, но было уже слишком поздно.

Что... Да что такое он говорит?! Почему не делает свою работу?!

– Нет, не всё!.. И ничего не поздно!.. Что-то же есть ещё... и вы можете это сделать, вы обязаны её спасти! Может, вы забыли просто?.. Ну, вспомните... Вспомните, пожалуйста! – кажется, я кричу... но по-прежнему не отрываю взгляд от двери. Я просто не могу... Ведь я загадала.

Кто-то кладёт мне руку на плечо, и я дергаюсь в попытке её сбросить, но не выпускаю дверь из вида, я вижу только её. Слышу вдали сирену... Ещё одна «скорая»? Значит, есть... есть надежда! Но чьи-то сильные руки резко разворачивают меня и... дверь ускользает.

– Не-э-эт! Мама-а-а! – я визжу и царапаюсь, пытаюсь вырваться из крепких тисков-объятий.

Кричу до боли в горле, но совсем не слышу своего голоса. Вообще ничего больше не слышу. Я ещё пытаюсь отыскать взглядом такую необходимую дверь... Но вижу только небо – оно головокружительно вращается, темнеет и падает на меня... Стремительно погружая мой мир в густой и бездонный мрак.

Глава 1

2018 год

– Мисс, с Вами всё в порядке? – голос таксиста вырвал меня из тяжёлых воспоминаний. – Приехали, мисс.

Водитель слегка озадачен – видимо, не в первый раз пытается привлечь моё внимание.

– Благодарю Вас, – я протягиваю купюру, глядя на мужчину в упор, и он широко улыбается, разглядывая под козырьком бейсболки моё лицо, – сдачи не надо, – и его улыбка становится ещё шире.

– Сейчас я достану Ваш багаж, юная леди, и, прошу Вас, возьмите визитку. Буду очень рад оказаться Вам полезным в следующий раз.

Я вежливо улыбнулась, принимая карточку, и покинула тёплый салон автомобиля.

В сумерках аэропорт Хитроу сверкает нарядными огнями и выглядит, как гигантский улей. Я очень люблю аэропорты – их суетливую атмосферу и волнующее предвкушение полёта. Это как движение вверх. А мне просто жизненно необходимо постоянно двигаться, менять обстановку и окружение, покорять непокорное и прогибать негибкое. Так я устроена... Или, вернее, так я устроилась.

Кто-то сказал, что человек создан для счастья, как птица для полёта. Сейчас я немного грустная птица в предвкушении счастья в полёте. Но уже завтра я начну ковать свою новую жизнь, и все инструменты при мне.

Сигнал входящего сообщения отвлекает меня от задумчивого созерцания аэропорта на фоне закатного неба. Извлекаю из компактного рюкзачка свой мобильник и читаю сообщение: «Люблю тебя, моя Мышка». На мгновение прикрываю глаза... а в груди разливаются тепло и щемящая тоска. Уже никуда не хочу улетать. Птица во мне разворачивает крылья и стремится к гнезду.

Глубоко вздыхаю... Необходимо взять себя в руки, ведь я всегда это делаю. Торопливо набираю в ответ: «Ты моё всё! Люблю тебя очень!» и отправляю. Как смогу я строить жизнь в другой стране, оставив здесь своё сердце? А было ли по-другому?

Было, когда-то... Только очень давно – в той, другой, моей идеальной жизни... Там, где моё сердце было всегда со мной.

Спрятав мобильник, я натягиваю бейсболку на лоб, подхватываю багаж и расправляю поникшие крылья. Пара чемоданов для начала новой жизни – в самый раз. Регистрируюсь на рейс и, избавившись от багажа, направляюсь в дьюти-фри. Маленькая коробочка шоколадных конфет повышает настроение и азарт к покупкам. И я увлекаюсь шопингом. Хорошо бы ещё докупить подарки... Вот только будет ли кому их дарить?

Ждут ли меня дома? – Нет... Давно уже нет.

Будут ли мне там рады? – Я не знаю...

Спустя час я медленно бреду вдоль панорамных окон, навьюченная фирменными пакетами. Объявили посадку на мой рейс.

Смотрю в иллюминатор на потемневшее, чужое небо...

Лондон, гудбай! Пора домой.

Глава 2

2003 год

1

– Вишенка моя, как же ты похудела... У тебя нездоровый вид.

– А я и не здорова, мам, ведь ты меня бросила.

– Ну что ты, маленькая, я всегда рядом с тобой, и мне очень больно видеть тебя такой. Тебе надо быть сильной, моя девочка.

– Для чего? Зачем мне теперь быть сильной? Ведь у меня ничего не осталось больше...

– Ты ошибаешься, милая, с тобой твоя память, твои знания, твоё доброе сердечко... Ты просто потерялась, доченька. Пожалуйста, не заставляй меня страдать.

– А почему же ты, мама, заставляешь меня страдать?

– Прости, родная... мне очень жаль. Но я знаю, что ты справишься, ведь ты моя гордость, моя радость и моё продолжение. Я так верю в тебя, моя Вишенка!

Ласковые мамочкины руки обнимают меня, а по моим щекам льются горячие слёзы, растапливая ледяной заслон, отгородивший меня от жизни и заморозивший душу.

* * *

– Дианочка, дорогая, что случилось? Может, вызвать врача? – бабка Эльвира, скорее недовольная, чем обеспокоенная, нависает надо мной в свете настольной лампы.

– Сколько времени? – настороженно спрашиваю.

О том, какой сегодня день, а тем более месяц, спросить не решаюсь, иначе те самые врачи не заставят себя долго ждать. А бабка, небось, вся на стрёме – готова уже вызвать. К сожалению, когда я мечтала о дворцах и палатах, то забыла уточнить, что палата в психушке – вовсе не то, к чему я настойчиво стремлюсь.

– Сейчас без пяти семь, – просветила меня бабка. – Ты плакала во сне, и я забеспокоилась. У тебя что-нибудь болит, деточка?

– Мне приснилась мама, – отвечаю честно, ведь это же не повод напаялить на меня смирительную рубашку.

– Ох, моя дорогая, как я тебя понимаю! А только подумай, каково сейчас мне!.. О, господи... ведь я потеряла дочь, а теперь на мне столько забот!.. И столько горя... Даже не знаю, как я это вынесу, – бабка горестно всхлипнула, скривилась, но слёз не получилось.

Равнодушным взглядом смотрю в упор на старую лицемерку, и она отводит глаза. Ну конечно, у неё действительно великое горе! Вот только не от потери дочери, а от свалившейся ей на голову внучки. И я бы ей непременно посочувствовала... Но мне так хочется выплюнуть в лицо лживой суке, что это они убили мою мамочку – бабка и её старшая доченька, эти две мерзкие гадушки. Они отвернулись от моей мамы, прокляли её и навсегда вычеркнули из своей сытой жизни.

* * *

Когда у мамы случился бурный роман с моим отцом, она после выполненной дипмиссии не вернулась домой из Франции. А всему виной мой папенька и его море обаяния, в котором он и потопил волю и благоразумие юной переводчицы. Александр, молодой, амбициозный биз-

несмен, в то время имел немало правильных связей, чтобы суметь уладить ситуацию на своей территории.

Вот только в СССР подобные финты не прощались. Деда, конечно, не расстреляли – и это хорошо. Однако его быстренько спровадили на пенсию и попутно лишили служебной столичной квартиры. Ух, что тут началось! Ни дня не работавшая великосветская Эльвира билась в истерике и проклинала свою младшую непутёвую дочь. А добил паршивую ситуацию муженёк старшей дочери, Наденьки, чтоб ей провалиться! Муж отправил Надежду вместе с годовалым сыном к её родителям и поспешно подал на развод, дабы не замарать себя порочащими связями.

Опозоренное семейство Кузнецовых, чью дочь объявили чуть ли не врагом народа, вернулось в родной город. И не в какой-нибудь там Глухопердинск, а в Воронцовск – красивый город-миллионник, в котором их ожидала вполне себе достойная трёхкомнатная сталинка. В историческом центре города, между прочим!

Не сказать, конечно, чтобы дед растерял все регалии, к счастью, уже не то было время. В местном университете он получил должность декана и с головой ушёл в работу. С бабкой было куда сложнее – тонна страданий, опыта ноль. Хотя она могла бы и переводами заняться, да и шила бабка неплохо. Но Эльвира предпочла пассивно страдать и выклёвывать мозг супругу.

Трагедия Наденьки, по её собственному мнению, оказалась самой ужасной, а утрата невозполнимой – муж, столица, положение в обществе... От её проклятий в адрес сестры передёргивало даже Эльвиру:

«Ну что, родители, гордитесь своей дочкой – грязной шлюхой? Поздравляю вас, вы это заслужили! Леночка же у нас такая умница, а Надя дура неприспособленная. Вот, теперь получите – приспособилась Леночка ваша, чтоб она там сдохла! Это вы во всём виноваты! А я-то за что пострадала? Доцеловался, папочка, эту шалаву в задницу? Хлебай теперь большой ложкой! Ненавижу вас всех, уроды!»

Всё это впоследствии тётя Надя высказывала моей маме в глаза не единожды и каждый раз дополняла свои обвинения новыми оскорблениями и пожеланиями.

А дед, казалось, окаменел. Всегда суровый и не дающий спуска своим женщинам, он замкнулся в себе и никак не реагировал на их истерики. Его сердце стонало о младшенькой – как там его нежная девочка? Что же она, глупенькая, так жизнь свою исковеркала? И как ему теперь обезопасить свою малышку? И бог с ней – с карьерой этой, лишь бы здорова была и в безопасности.

Леночку депортировали из Франции спустя полгода. Маленькая, тихая, с круглым выпирающим животиком, она появилась на пороге родной квартиры в сопровождении своего отца. Две недели бесконечного унижения в Москве и давления на все возможные рычаги принесли свои плоды. Блудная дочь признана морально разложившейся, безответственной и бесперспективной – во как! Следовательно, исключена из престижного вуза, но главное – о, ужас! – из комсомола! И как только последняя новость их всех не убила?!

В результате измученный, постаревший, но очень счастливый дед вернулся со своей любимицей в родные пенаты. Эльвире и старшей дочери приказал рты на больную тему не разевать, пригрозив наказать рублём. И Леночку стали гнобить тихо и беспощадно. Впервые её сердечко дало сбой, когда до родов оставалось две недели. Дед тогда сильно сдал, проводя всё свободное время в больнице у постели дочери. И тогда же бледная, чуть живая Леночка поклялась отцу, что будет очень сильной, не сломается, и что внук или внучка обязательно заставит деда собой гордиться.

Сердце деда не выдержало раньше, чем он успел начать гордиться – он умер через день после того, как принёс внучку домой из роддома. Но дед успел дать малышке имя. Назвать меня Дианой было его последним желанием и, кажется, последними словами.

Вот как-то так.

2

Я читала, что в римской мифологии Диана – богиня Луны и охоты. И прямо сейчас, не дожидаясь луны, я бы с радостью поохотилась с томагавком на свою бездушную, лживую бабку. Наверное, это зов моей тёмной крови.

С трудом подавляю в себе кровожадные мысли и совершенно безэмоционально произношу:

– Я тебе очень сочувствую, бабушка.

Бабка поглядывает на меня с сомнением, но, вероятно, не заподозрив в намерении перегрызть ей глотку, широко улыбается:

– Ну что ты, деточка, какая же я бабушка, называй меня Эльвирой. Твои брат и сестрёнка именно так меня называют, и ты скоро привыкнешь.

Да ты, швабра престарелая, звание «бабушка» и не заслужила! Эльвира, блин, повелительница змей.

Но вслух я отвечаю спокойно и даже равнодушно:

– Хорошо, пусть будет Эльвира. Но тогда и ты, Эльвира, называй меня Дианой, а не деточкой, – и пока бабка выпучивает свои зенки, я интересуюсь с невинным видом: – А что, разве у меня есть брат и сестра?

Глядя в мои честные глаза, Эльвира нервно сглотнула и уставилась на меня поражённым взглядом.

– Конечно, есть – двоюродные! Но как же, Дианочка, наверное, ты забыла? Ведь ты их видела! Правда, уже давно... Но неужели твоя мама ничего о них не рассказывала, как же так?

Да вот так, твари! Много чести для вас знать, как любила вас моя мамочка и сколько всего хорошего мне рассказывала. И как она страдала без вас и помнила все ваши дурацкие важные даты.

Но я молчу и отрицательно качаю головой – типа нет, ничего про них не знаю, впервые слышу. Да и Вас, женщина, не припомню.

– Странно как... – бабка смотрит недоверчиво, но заподозрить меня в неискренности не получается. И тут на неё снизошло озарение: – Это же стресс! Ты забыла, наверное, всё из-за стресса!

Ага, как раз самое время вызвать мне врача и полечить. Ну, а как ещё объяснить бабкину радость по поводу моей амнезии вследствие стресса? Я пожимаю плечами и отвечаю, глядя ей в глаза:

– Я хорошо всё помню, Эльвира. И тебя хорошо помню... видела раз пять. Может быть, и остальных видела, но только не знала, что они мои родственники, а сами они признаться постеснялись.

Бабке вовсе не по душе мои откровения, но спорить уже не о чем, и она начинает вещать:

– Мою дочь зовут Надежда...

Я стискиваю зубы – офигенное вступление!

– А я думала, что мою маму зовут Лена, – я тоже намеренно игнорирую вероятность существования другой дочери.

Бабка явно сомневается в моей адекватности, но не спорит и делает поправку:

– Да, Дианочка, у меня было две дочери. Старшую зовут Надежда, для тебя тётя Надя. Она замужем и со своей семьёй живёт в Восточном районе. У них с мужем двое детей – это твои брат и сестра. Артурчику уже пятнадцать лет, он такой умный и красивый мальчик! Хочет быть архитектором...

И старая ведьма пустилась в долгое воспевание достоинств своего доблестного внука Артурчика.

Конечно, я помню этого белобрысого придурка. Бабка тогда отмечала свой полтинник в ресторане и каким-то чудом вспомнила про нас с мамой. Нам было очень неудобно в этой пафосной компании, и пробыли мы там недолго. Но поганый Артурчик постарался остаться незабываемым. Он вылил мне на новое белое платье вишнёвый сок, назвал грязной чуркой и вклеил в мою длинную косу жвачку, да так, что пришлось потом отрезать волосы. Тогда этому дебилу было лет десять. Интересно, сволочизм с годами крепчал вместе с ним?

Эльвира продолжает заливаться соловьём. Вот любопытно, если её не заткнуть, истории про этого кретина когда-нибудь иссякнут? Но бабка всё же заметила мой скучающий взгляд.

– Ох, кажется, я увлеклась... А к чему это я? – она рассеянно похлопала густо накрашенными ресницами.

Шахерезада перезрелая! И куда она, интересно, намарафетилась спозаранку? Не уверена, что к постели приболевшей внучки.

– Ты, Эльвира, хотела рассказать мне про брата и сестру, но увлеклась братом, – я спокойная и непробиваемая, как скала, смотрю бабке в глаза.

Она слегка поёжилась и осторожно, словно нащупывая почву, продолжила:

– А твою младшую сестрёнку зовут Снежаночка... – бабка делает паузу, наблюдая за мной, и я цепляю на лицо подобие заинтересованности.

Наверное, получилось, потому что сказительница продолжила уже смелее:

– Снежаночке одиннадцать лет, но она такая маленькая и худенькая, что кажется совсем малюточкой. И беленькая, как одуванчик! Такая хорошенькая, просто нежный цветочек. Наша Снежаночка мечтает стать моделью. Я уверена, что если она не передумает, то с её-то данными... – бабка мечтательно закатила глаза.

А я смотрю на неё и думаю – она ведь действительно очень любит своих внуков. И столько в её голосе умиления! Только я ни грамма не завидую. И не хочу, чтобы меня любила эта змея. Даже если бы год назад я не наткнулась на мамин дневник, которому она на французском языке изливала свою израненную душу, то всё равно бы знала, что эти твари не достойны моей любви. Я это чувствовала даже тогда, когда мама говорила о них столько прекрасного. И несмотря ни на что, она всегда их любила...

А я всю жизнь буду их ненавидеть!

Глава 3

2018 год

Самолёт приземлился в аэропорту Шереметьево в четыре часа утра. Получив свой багаж, я направляюсь к такси. Холодный октябрьский ветер пробирается в рукава моей лёгкой кожаной курточки. Я зябко передёргиваю плечами – кажется, в Лондоне было теплее. Ускоряю шаг в попытке сбежать от холода.

Ночная Москва великолепна! Из окна такси я жадно изучаю старые дома, новостройки, башни и торговые центры. За два года здесь ничего почти не изменилось, но я люблю, как в первый раз. Чуть больше двух лет назад я прилетала сюда, чтобы подстелить себе соломки для новой жизни, а всё свободное время проводила, гуляя по городу.

Тогда был август, и я привычно маскировалась под расхлябанного тинейджера – рваные джинсы, широкая, длинная футболка и бейсболка, низко надвинутая на лоб. Я не хотела привлекать к себе внимание, наслаждаясь одинокими пешими прогулками. Но, даже нацепив солнечные очки в дополнение к неброскому наряду, мне не всегда удавалось слиться с толпой. Хотя я давно привыкла к этому и научилась подавлять ненужный интерес к своей персоне.

Такси тормозит у здания шестиэтажной гостиницы, в которой я планирую жить всю ближайшую неделю, пока буду решать дела первостепенной важности.

* * *

– Доброе утро, для меня забронирован номер, – я постучала ноготком по стойке ресепшна и извлекла из маленького рюкзачка паспорт.

Слегка осолопевшая от недосыпа девушка администратор внимательно посмотрела на меня, потом в документ... и едва заметно нахмурилась. Знаю, что мой немного шпанский вид с трудом увязывается с фотографией в паспорте и идеально поставленным голосом с едва уловимым акцентом. Долгие скитания по чужим странам оставили побочный эффект. Но думаю, что за пару дней я легко избавлюсь от этого недостатка.

Оформив заселение, девушка принялась подробно расписывать предоставляемые мне возможности для исключительно комфортного проживания.

– Благодарю Вас, но пока не выплыву, я не готова воспринимать такой поток информации, – гашу внезапный энтузиазм проснувшейся Марии (если верить бейджику на её груди).

Она понимающе кивает, улыбается и протягивает ключ-карту, разглядывая меня с детским восторгом. Привычная реакция. Я желаю девушке спокойной ночи и устремляюсь к лифту за белбоом, катившим мой багаж.

* * *

Самыми прекрасными в этот ранний час стали гигантская кровать в моём номере и комфортная ванна. Выдав носильщику чаевые, я избавилась от его присутствия и подошла к окну. Главным условием моего проживания в этом отеле был из окна. И сейчас моему взору предстал Кремль во всем своём великолепии. Приоткрыв окно и впустив в комнату холодный воздух, я начинаю раздеваться перед большим зеркалом. Мне всегда нравился этот волшебный процесс превращения бесформенного подростка в ослепительную диву.

Я не привыкла себе льстить, но своё тело я старательно лепила годами, приводя изнурительными тренировками свою, изначально хорошую фигуру в совершенную. И вот он результат – обнажённая я вызываю больший эстетический восторг, чем в самом элегантном вечернем

платье. Когда-то, в детстве, я даже стеснялась своей внешности. Теперь же моё тело, лицо и мой голос – это оружие массового поражения, кропотливо сотканное мной и тщательно отшлифованное.

Нет, всё же ванна – это долго. Быстро приняв душ, я подключила мобильник к зарядке и рухнула в разобранную постель, как подкошенная. В сон провалилась мгновенно...

– Вишенка, какая же ты у меня красивая!

– Теперь я знаю это, мам. Ты давно не приходишь ко мне, а я так всегда тебя жду!..

– Всегда прихожусь, родная, ты просто сильно устайшь. Я беспокоюсь о тебе, дочка... ты стала совсем другая...

– Просто я выросла, мама. Но я всё ещё по-прежнему твоя Вишенка, – я беру её маленькие ладошки и прижимаю к своим щекам... Тёплые... – Я так люблю тебя, мам!..

– Ты же не станешь никому мстить, доченька? Мсть – это удел слабых, милая, и очень большой грех.

– Мсть – это моё прощение, мама! И тебе ли не знать, какая я грешница...

– Нет, моя Вишенка, ты просто запуталась... но я знаю – ты никогда не причинишь зла своей семье.

– Семье?! О какой семье ты говоришь? Только ты была моей семьёй! Моим сердцем! Моей совестью! Когда-то ты была всем моим миром! Но теперь тебя нет, мама!.. И совести у меня больше нет, и сердце моё не со мной... И мой мир давно разрушен, мамочка! Разве не ты хотела, чтобы я была сильной? Так вот теперь я очень сильная! И смогу заново построить мой идеальный мир... только в нём не будет места для твоей семьи... Для этих змей, отравивших твоё сердце и мою душу. Теперь, мама, я им не по зубам, и ты непременно увидишь, как скоро все они захлебнутся собственным ядом.

Глава 4

2003 год

Я уже выяснила, что выпала из жизни почти на четыре недели, три из которых меня продержали в психушке, как буйнопомешанную – спасибо моим заботливым родственникам! И если бы не активность Шерхана и Серёжи, то пускать бы мне слюни до конца своих дней в клинике для душевнобольных. Но директор подключил к моему спасению все свои связи, а Серёжа, забросив все дела, почти прописался со мной в больнице. Ну а бабка тем временем справлялась о моём самочувствии по телефону и слёзно просила лечить меня как следует. А следовало, вероятно, превратить меня в баклажан и забыть навеки.

– Эльвира, мне необходимо прогуляться и съездить в школу, – ставлю бабку в известность. – Я слишком много пропустила и теперь придётся навёрстывать, пока меня не исключили.

– Это хорошо, что ты идёшь на поправку, Диана, но я считаю, что ты ещё слишком слаба для прогулок. А к тому же нам следует подумать о переводе тебя в другую школу, твоя слишком далеко, – заявила старая ведьма.

Что-о-о?!

– Нет! – отрезала я жёстко. – Даже если мне придётся добираться пешком, я всё равно буду ходить только в свою школу. К тому же, до конца учебного года осталось совсем немного.

– Понимаю, но тебе придётся добираться с пересадкой, а это ненужные траты, – проблемя бабка, нервно покручивая массивные кольца на ухоженных пальцах.

– Если дело в деньгах, то я смогу заработать себе на проезд!.. И что, разве отсюда нет прямого маршрута? – я завожусь не на шутку и мечтаю уже припечатать по брехливой морде чем-нибудь увесистым.

Где я собираюсь зарабатывать деньги – идей, конечно, никаких. Пока никаких!..

– От нас прямой маршрут есть, – неуверенно мнётся Эльвира, – но, скорее всего, жить ты будешь у Надежды.

Ну, ни фига ж себе, новости!

– А это ещё кто? – решила я доконать старуху.

– Господи, Дианочка! – она всплеснула худыми граблями. – Ведь мы же говорили с тобой! Надя – это тётя твоя и моя дочка... старшая...

– А-а, наверное, я просто не обратила внимания на её имя, – стараюсь говорить равнодушно. – Ну и зачем мне жить у неё?

– Ох, боюсь, я уже не в том возрасте, дорогая, чтобы заниматься воспитанием детей, да и материально мне тебя одной не вытянуть, – с тяжелым вздохом поведала «бедная родственница».

Вот же старая б... бабка! Да у тебя в ушах и на пальцах бриллианты размером с куриные яйца. Продай парочку, и мы будем пару лет кушать осетровую икру столовыми ложками.

– А знаешь, бабуля, – от моего вступления «бабулю» знатно перекосило, – мне абсолютно фиолетово, где я стану ночевать – у тебя или у твоей доченьки, как там её зовут... Но учиться я буду в своей школе! Андестенд?

Понимания на вытянутой морде – ноль, а в глазах плещется неприкрытый шок.

Что не так? Как видишь, старая кляча, я уже вполне выздоровела, так что хорош манерничать!

– Мы поговорим об этом после, Диана, – с недовольной миной заявила бабка.

– После чего? – скалюсь я.

– После обсуждения данного вопроса с твоей тётей.

– Хорошо, бабушка, – я намеренно делаю ударение на втором слове, и «бабушкины» губки превращаются в куриную жопку. – Кстати, а где мой телефон? – вдруг вспоминаю, а бабка попытается слинять из комнаты.

– Какой телефон, Дианочка? – змеиные глазки забежали, и голос стал неожиданно ласковый.

– А такой, весь из себя мобильный, который мне подарила администрация школы за победу на чемпионате. И этот телефон всё время был со мной, – твёрдо заявляю ей, хотя и не слишком уверена, что он не потерялся в тот самый... ужасный день.

– Знаешь, Диана, я считаю, что юным девочкам совсем небезопасно иметь такие дорогие игрушки, – старая карга попыталась звучать убедительно. – Он ведь был дорогой?

– Был?! Ты говоришь, что он был? – я изо всех сил стараюсь не взорваться. – А можно полюбопытствовать, где же он сейчас – мой дорогой подарок? И кому оказалось не опасно с ним играть?

– О, боже, Диана! – бабка отступает на шаг. – Ты ведь не будешь скандалить из-за телефона, когда у нас уйма других, более важных проблем?!. А об этом мы можем поговорить позднее. Ты, кстати, в школу собиралась... передумала уже? Сейчас я дам тебе деньги на проезд, – и Эльвиру выдуло из моей комнаты раньше, чем я вдохнула воздух для потока возмущений.

Кажется, новые родственнички пришили меня, как бабочку. И если я вдруг вырвусь... то как же смогу взлететь на дырявых крыльях?

* * *

В родную школу я вошла с замиранием сердца и впала в ступор, наткнувшись на... мамин взгляд. Прямо напротив входа, утопая в цветах, располагается большая фотография в серебристой рамке. И рядом, прямо на стене надпись: «Мадам, Вы навечно в наших сердцах!» Я стою не в силах пошевелиться и отвести взгляд от маминых глаз... и такой счастливой улыбки. И молча проживаю заново наш самый счастливый и самый несчастный день.

– Ох, ты ж господи, деточка ты моя, – техничка, всегда угрюмая и ворчливая тётя Фая, ласково обнимает меня, глядя по спине, и осторожно подталкивает к лестнице, – иди, милая, иди... чего тут стоять-то, мучиться.

Я заторможенно ей киваю и медленно поднимаюсь по лестнице на второй этаж.

Кабинет директора приоткрыт и оттуда доносится громкий голос Шерхана – он говорит по телефону. Как это странно – мамы нет, а жизнь почему-то продолжается. А Шерхан... Ведь он так её любил!.. А теперь занят какими-то делами, звонками, будто не было никакой любви... и мамы будто не было. В школе ведь все любили мою мамочку, а сейчас живут спокойно, веселятся над какой-то ерундой, словно и нет никакой трагедии...

Я не заметила, когда голос в кабинете стих и дверь отворилась. Очнувшись лишь от мягкого прикосновения к плечу. Шерхан осторожно взял меня за руку, завёл в свой кабинет и, плотно прикрыв дверь, предложил присесть.

– Как ты, Диана?

Я пожимаю плечами и честно отвечаю:

– Не знаю, как-то странно... Все живут и радуются, а мамы нет. Всем всё равно? Это разве справедливо, Денис Павлович?

Шерхан тяжело вздохнул, подбирая слова.

– Нет, девочка, поверь, здесь всем не всё равно. Вся школа скорбит, ведь мама твоя была нашим солнышком, а теперь у нас в школе случилось затяжное затмение. Просто твоя боль, Диана, намного глубже, ведь ты потеряла самого близкого человека. Сейчас тебе сложно это понять, но просто поверь, что жизнь продолжается, и твоя мама точно не хотела бы видеть тебя такой подавленной. Я ведь и сам никогда не перестаю о ней думать, но у нас с тобой есть

обязательства в этой жизни и нам никак нельзя опускать руки. Понимаешь? А память о нашей Мадам всегда будет с нами, и будет продолжать жить в наших сердцах. Ты веришь мне?

Я отрицательно качаю головой – нет, не верю... не понимаю.

– А ты знаешь, Диан, у нас же совсем беда с французским языком! Веришь, никак не получается найти нового преподавателя, потому что ученики бойкот объявили – никого после Мадам не воспринимают.

Так странно – слышать от Шерхана это «мадам», но на сердце вдруг потеплело – «никого не воспринимают». Значит, её помнят и любят.

Мы ещё долго обсуждаем школьные проблемы, моё возвращение и снова говорим о маме. А ещё Шерхан мне сообщил, что я больше не смогу вернуться к нам домой, в нашу с мамой комнатку в общежитии. Потому что теперь в ней живут чужие люди, а все вещи якобы забрали наши родственники.

Это бабка, что ли? Вот ведь старая стервятница – ищи теперь эти вещи! Я рассказала Шерхану об этой змее и о пропаже телефона, а он неожиданно подорвался с места. Схватив свой портфель, Шерхан выудил из него мамочкин простенький и старый мобильник.

– Вот, отвоевал его в милиции. Хотел на память себе оставить, но теперь вижу, что тебе он нужнее, – застенчиво проговорил он, протягивая мне телефон, а я прижалась к его груди и заплакала.

Так мы и просидели с Шерханом в его кабинете со слезами и воспоминаниями до конца уроков. Встречаться сегодня больше ни с кем не хочется, и Шерхан вызвался отвезти меня пообедать, а затем подбросить домой к ненавистой бабке.

2

Живёт Эльвира почти в центре города в двухуровневом доме, огороженном высоким забором. После смерти моего деда вдова была безутешна целых три месяца, а потом её утешил настоящий полковник и забрал к себе за высокий забор. У тёткиной семьи отдельная квартира, а трёхкомнатную сталинку бабка уже давно сдаёт большой армянской семье. И это в то время, когда мы с мамой столько лет ютились в десятиметровой тесной комнатёнке общежития, на самой окраине города.

Я попросила Шерхана не подвозить меня к самому дому. Ещё не поздно и мне захотелось пройтись пешком. Сегодня четверг, и мы договорились с директором, что к занятиям я обязательно приступлю в понедельник. А о справке для школы он обещал позаботиться сам. Незачем кому-либо знать, где именно восстанавливали моё душевное равновесие в период моего отсутствия в школе. Ещё Шерхан приобрёл для меня новую сим-карту и пообещал регулярно пополнять баланс. И, пресекая на корню моё смущение, серьёзно заявил:

– Диан, просто позволь мне хоть немного о тебе позаботиться. Это самое малое, что я смогу теперь сделать для твоей мамы, – он понуро опустил голову. – Я ведь готов был отдать ей всё, что у меня есть, но она даже не хотела принимать мои скромные подарки. Честно говоря, я давно мог оставить свою семью, но Лена... Но твоя мама не позволяла мне даже думать в этом направлении. Прости, девочка, что говорю тебе это, я не должен, конечно... Но я хочу, чтобы ты знала – я на многое был готов ради Леночки, ведь я очень любил её. Твоя мама была ангелом на земле, а теперь... она приглядывает за нами сверху.

В глазах мужественного Шерхана блеснули слёзы, но он встrepенулcя и продолжил уже без всякой лирики:

– Я не хочу, чтобы ты сильно обременяла своих неожиданных родственников, и не стоит им давать повод обвинять тебя в неоправданных тратах. Поэтому я буду тебе каждую неделю выдавать деньги на проезд и другие мелкие расходы. И не спорь со мной! – прокомментировал Шерхан мои расширившиеся глаза и раскрытый в попытке возразить рот. – Ведь я объяснил

тебе свои мотивы, и не будем больше возвращаться к этому. Всё! Можешь не обольщаться, кстати, спонсировать буду скромно, но!.. Ты пообещаешь непременно ко мне обращаться, если денег не будет хватать.

С этими словами он сунул в мою руку несколько свёрнутых купюр и сжал мой кулак.

– Ну?.. Обещаешь?

– Обещаю, Денис Палыч, – от волнения мой голос перешёл на шёпот.

– И родственникам своим об этом молчок. А по поводу работы пока даже и не думай. Поговорим о подработке, когда тебе исполнится хотя бы четырнадцать.

– Так мне уже скоро тринадцать, а выгляжу я вообще на все шестнадцать, – капризно промямлила я, а Шерхан недовольно поморщился.

– Так, всё, тема закрыта. Иди уже, а то я и так с тобой задержался. И в понедельник в школу, как штык, поняла меня? – снова включился грозный тигр.

Я с готовностью кивнула и выскользнула из машины в февральскую стужу.

Вот никогда не любила февраль. После новогодних каникул зима как-то сразу теряет своё очарование, и хочется тёплой весны. Этот же февраль стал для меня самым ненавистным. Хорошо, что ему осталось жить всего несколько дней. Однако он, не желая сдавать свои позиции, ударил лютым морозом по моему недовольству.

До бабкиного дома осталось совсем немного, и я замедлила шаг. Лучше уж мёрзнуть, чем лицезреть лживую старую ведьму. Ну-у... как старую – для своих пятидесяти шести выглядит она супер. Конечно, с позиции моих лет нелегко оценивать столь почтенный возраст, но бабкой бабка точно не выглядит. И тем приятнее напоминать и подчеркивать её старушечий статус.

Подойдя к калитке, я тяжело вздохнула, но как только потянулась к звонку, автоматические ворота раскрылись, и показалась морда синего «BMW». За рулём модной иномарки бабкин, уже отставной, полковник. Недовольно зыркнув на меня сквозь лобовое стекло, Полкан выехал со двора, а я успела проскочить в закрывающиеся ворота. Может, вообще повезёт остаться незамеченной?

Потихоньку войдя в дом, я сняла сапожки и спрятала их в шкафчике, в прихожей. Судя по женским голосам, раздающимся из гостиной, бабка принимает гостей. Не снимая верхней одежды, я на цыпочках крадусь в комнату, выделенную для моего временного проживания, и едва не подпрыгиваю от визгливого женского выкрикивания:

– Ты в своём уме, мам? Эта грязная потаскуха разрушила мою жизнь, а я должна заботиться о её мерзком отроде?

– Не горячись, Надюша, она уже взрослая девочка и вполне самостоятельная. Ей просто нужна крыша над головой и трёхразовое питание. Ну и пригляд, конечно, желателен, чтобы не принесла нам сюрприз. Она красивая девочка и, к сожалению, выглядит взрослее своих лет.

– Фу, мам, эту черномазую дочь шлюхи ты называешь красивой? Или у тебя испортился вкус?

– Поаккуратнее с выражениями, Надежда, ты говоришь о моей дочери и твоей сестре, – повелительным тоном заявила бабка.

– Что-то раньше тебя это не сильно беспокоило.

– Раньше, Надя, моя дочь была жива и виновата перед нами, а теперь её нет и винить уже некого... и ничего теперь не исправишь, – голос бабки стал тоскливым и уставшим.

– Ах, так теперь она и не виновата ни в чём? Сама сдохла, а нам подкинула свою убогую дочку чурку!

– Надя, я, кажется, попросила тебя выбирать слова! Диана тоже моя внучка и, между прочим, твоя родная племянница. – припечатала бабка свою зарвавшуюся сучку-дочку. – Да и сколько уже можно оплакивать свою разбитую жизнь? Разве ты чем-то обделена? Семья замечательная, квартира, бизнес... Чем ты ещё недовольна? Или думаешь, с первым была бы счастливее? Тогда вспомни, как быстро он от тебя отказался.

– Ну, спасибо, мамочка! – прозвучало надрывно. – Внучка, говоришь? Так оставь её себе и целуй в чёрную задницу.

– Надюш, ты ведь знаешь, что я не могу... Леонид Петрович и так уже злится, – тусклым голосом пожаловалась бабка. – Ты же не хочешь, чтобы я осталась одна, без мужа?

– А он и так тебе не муж! И это, видимо, ты мечтаешь оставить меня без мужа. Думаешь, Эдик мечтает воспитывать подкидыша?

– Да твой Эдик слова не скажет, даже если ты приведёшь домой троих голодных оборванцев. Ты уж давно загнала его под каблук, а у меня совсем другая ситуация. И как ты справедливо заметила, Лёня мне не муж и моё положение в этом доме пока слишком шаткое. Надь, я помогу деньгами на содержание Дианы, но ты должна её взять. Думаешь, только я пострадаю, если мы с Лёней разойдёмся? Или ты забыла, сколько всего он для вас делает?

– Я помню. Только этот дом достанется не твоим, а его детям, как и всё остальное его добро.

– Не хотела говорить раньше времени, но Леонид Петрович уже заводил разговор о браке, и поэтому сейчас я никак не могу всё испортить.

За дверью вздохнули дуэтом.

– Mam, послушай, да сдай ты её в детский дом, и проблема решена.

– Надеюсь, ты шутишь? Или ненависть совсем сожрала твой мозг? Да нам тогда вовек не отмыться! Ты хочешь поучаствовать во всех ток-шоу на тему «Как стать брошенной сиротой при наличии толпы обеспеченных родственников»? Ты готова к этому?

Я стою за дверью, еле дыша, и борюсь с искушением ворваться в гостиную и вцепиться в морду своей паскудной тётке. Но желание выяснить побольше информации оказалось сильнее. После бабкиных слов повисла долгая пауза и я, не желая быть застуканной, попятилась в сторону своей каморки, когда вдруг раздался противный тёткин голос:

– Ну, не знаю... Мне нужно поговорить с Эдиком, с детьми. А где, кстати, твоя приبلуда?

– А и правда, поздно уже. Она поехала в свою школу, чтобы...

Дальше я уже не слышу – тяжело дыша, ныряю в своё убежище и плотно прикрываю дверь изнутри. Фух, успела! Но как же вовремя я сегодня пришла! То, что я никому здесь не нужна – для меня не новость. Удивляет другое – бабка, хоть и мечтает от меня избавиться, но ненависти, похоже, ко мне не испытывает.

Зато тётка оказалась ещё мерзопакостнее, чем я могла предположить. Кажется, бабкины аргументы всё же перевесили, и впереди мне предстоит та ещё весёленькая жизнь. Этак тётка меня и отравит под крышей дома своего. Но бабушку разжалобить вряд ли получится, она зубами вцепилась в своего престарелого лысого гоблина и яростно рвётся под венец. Вот я попала-то!

3

Провалившись в размышления о своей нелёгкой судьбе, я отстранённо слушаю неразборчивое бормотание из гостиной. И облегчённо выдыхаю, когда тётка громко засобиравшись домой. Ну, наконец-то, свалила! А на смену ей спустя некоторое время вернулся полковник. И прямо с порога бабка ему заявила:

– Лёнечка, ты знаешь, я начинаю волноваться – уже поздно, а девочки нет. Может, что-то случилось?

– Не понял, она что, не приходила или снова ушла? Я встретил девчонку, когда выезжал из дома, и она вошла в ворота. Ты уверена, что её нет?

Вместо ответа послышались приближающиеся шаги.

– Диана, а ты давно пришла? – растерянная бабка торчит в дверном проёме.

Я пожала плечами и ответила:

– На часы не смотрела, но уже давно.

Эльвира заметно смутилась и осторожно спросила:

– А почему ты ничего не сказала? У нас была тётя Надя, знаешь?

И я решила не изображать непонятливую овцу:

– Знаю, поэтому и не зашла. Проходила мимо и слышала, как она предлагала меня сдать в детский дом, а ты объясняла ей, почему этого делать не стоит. Глупо было вторгаться к вам в этот момент с приветствиями, вот я и ушла в комнату.

В бабкиных глазах мелькнуло сожаление. Да неужто?!

– Да, Диана... очень неприятно, что тебе пришлось всё это услышать. Но знаешь, тётя Надя на самом деле очень хорошая, просто они не особенно ладили с твоей мамой, но ты тут совершенно ни при чём. Тётя Надя немного погорячилась и уже признала это.

Ну, надо же – бабка прям дипломат! И брешет, как дышит. Я уже поняла, что она, если и не союзник мне, то точно не враг. Паинька из меня вряд ли получится, но злить её сейчас ни к чему.

– Да, я понимаю, Эльвира, вернее, пытаюсь понять, как мне повезло с вами, – я скромно потупила глазки, чтобы не выдать своих искренних чувств и ненароком не подпалить собеседницу.

Бабка вошла в комнату, присела на край дивана и, тяжело вздохнув, заговорила:

– Нам всем сейчас нелегко, Дианочка, но надо как-то жить дальше, и жить мирно. Я уже поняла, что ты девочка с характером и очень неглупая. Поверь, я вовсе не желаю тебе зла и не хочу с тобой ссориться. Теперь я очень жалею, что мы раньше не общались, и понимаю, что уже ничего не вернуть. Но я совсем не хочу, чтобы ты считала меня врагом. Не будь, пожалуйста, агрессивной... Знаешь, твоя мама ведь никогда не была злой.

Уж лучше бы она не упоминала мою маму! Да и бабка уже поняла свой промах, встретив мой яростный взгляд.

– Да если бы моя мама была такой, как я, она бы разбила бледное рыло твоей паскудной Надюше, но я готова сделать это вместо неё, – ошкетинившись, я вскочила со своего места. – А мамочка, к сожалению, была слишком мягкой и не боролась за себя. Она и пострадала потому, что никогда не была злой. Вы просто выбросили её и забыли!

Я даже не сразу осознала, что кричу, и не заметила, когда к нам впёрся недовольный полковник.

– В моём доме, барышня, никто не имеет права повышать голос. Вы отвратительно воспитаны, – это бабкин благовоспитанный хахаль вознамерился преподать мне урок хороших манер.

– А почему бы вам, Полкан Петрович, просто не выбросить меня из своего дома за плохое поведение? Это станет милой традицией, послушался – вон из семьи! – выпалила я полковнику на волне азарта.

Его глаза полезли из орбит, ноздри раздулись, а бабка подскочила с дивана и рванула к уже багровому Полкану. Вытолкнув его за дверь, она торопливо запричитала, что, дескать, сама меня спровоцировала, а я эмоционально нестабильна после такого горя, да ещё и услышала оскорбления Надежды. И вообще, ему, Лёнечке, надо бы беречь свои слабые нервы. Дальше я уже не услышала, да и не очень-то хотелось.

Когда бабка возвращается снова, от неё пахнет корвалолом, но мне отчего-то не стыдно.

– Я понимаю тебя, Диана, и ты попытайся меня понять. Я не могу ссориться с Леонидом Петровичем, и с тобой тоже не хочу. Мы можем это как-то устроить и не осложнять друг другу жизнь? – Эльвира явно расстроена, но не злится.

Продолжать свой бунт я не планирую, поэтому отвечаю спокойно:

– Хорошо, давай не будем усложнять.

Бабка облегчённо выдохнула и даже улыбнулась.

– Я очень рада, Дианочка, что ты всё правильно поняла. Кстати, все свои вещи ты найдёшь здесь, – Эльвира указала на двусторчатый шкаф. – Скажи мне, если что-то ещё будет нужно. Завтра я дам тебе денег на проезд и ... – она слегка замялась, – и на мороженое, например...

Ага, а ещё на новый телефон!

Но спорить я не стала. Дают – бери! Лишним точно не будет.

– Ты не против, если поужинаешь сегодня в своей комнате? – с виноватой улыбкой спросила бабка.

– Буду только рада, – согласилась я и действительно испытала облегчение, да и Эльвира тоже.

– Сейчас принесу, – почти ласково проворковала бабка, выпорхнув из комнаты.

Я задумчиво осматриваю аскетичную обстановку своего пристанища и подвожу неутешительный итог – тётка меня люто ненавидит, и это взаимно, полковник терпеть меня не может, и для бабки я, как кость в горле.

Ох, мамочка, на кого ж ты меня покинула?!

Глава 5

2018 год

Громкие звуки испанской гитары настойчиво пытаются вырвать меня из сна.

Да заткнись ты уже!

Не открывая глаз, нащупываю на прикроватной тумбочке мобильный и охрипшим от сна голосом рявкаю в трубку:

– Феликс, идиот, ты на часы смотрел?

– И тебе, малышка, доброе утро, – промурлыкал мне в ухо самый сексуальный голос. – Я и на часы посмотрел, и солнце уже высоко!

– Фил, я спать легла в шесть утра.

– Так значит у тебя уже девять! Сколько же можно дрыхнуть, детка?

– Придурок! – выпалила я и тут же пожалела о своей несдержанности.

– Ди, ты что-то со мной сегодня не слишком ласковая, а я, между прочим, соскучился, – в голосе Феликса послышались укоризненные нотки, и я мысленно вlepила себе подзатыльник.

– Прости, Фил, – покаянно бормочу, – я просто очень устала и не выспалась.

Феликс – мой самый лучший и сейчас, наверное, единственный друг. Мы познакомились восемь лет назад при не самых лучших обстоятельствах. Он ворвался в мою жизнь, как ураган. Полный жизни, фонтанирующий гениальными и бредовыми идеями, безумно красивый и готовый защитить меня от всего жестокого мира, Фил согрел мою душу и навсегда поселился в моём сердце.

– И-и?.. – Феликс даёт мне шанс исправиться.

– Фели, я тоже очень скучаю по тебе, – в моём голосе уже звучат нежность и любовь.

– Ну, вот и долгожданный прогресс, малышка, а то всё фырчишь на меня, как неудовлетворённая кошка. Ну, ты как там, уже готова покорить Москву или будешь дальше дрыхнуть? Давай уже, неси свою роскошную задницу в душ и наводи марафет. Тебя ждут великие дела, Эсмеральда! И покушать не забудь. Потому что если твои сиськи похудеют, боюсь, я перестану тебя любить.

– Так ты любишь меня за сиськи, пошляк? – я смеюсь.

– Конечно! Ведь это единственные сиськи в мире, заряжающие меня позитивом. Ну-у, ещё твои фантастические ножки, шикарная попа...

– Замолкни, маньячина! Просто скажи, что любишь меня всю.

– Я люблю тебя всю, конфетка! Береги себя и прекрати уже меня отвлекать, я опаздываю. Удачи, детка! Целую твой милый носик.

Как всегда, в своём репертуаре – порывистый, пошлый, дерзкий!.. Талантливый человек талантлив во всём – это про моего Феликса. К своим двадцати шести годам он обзавёлся внушительным багажом навыков и востребованных профессий. Он уже состоялся как прекрасный фотограф, но внезапно ушёл с головой в постановку танцевального шоу. Танец всегда был нашей общей слабостью. Потом, возмнив себя великим кутюрье, Фели занялся разработкой собственной коллекции мужской одежды, а в результате стал лицом модного глянца и на целый год застрял в модельном бизнесе.

Дух противоречий разрывал его, и Феликс, ведомый страстями, каждый раз погружался в очередной водоворот ярких событий и новых открытий. Такой непостоянный!.. Неизменным оставались лишь его привязанности ко мне и то, что он никогда не покидал искусство и верил во всё, что творил. Его умение видеть и чувствовать прекрасное должно будет в конечном итоге принести свои плоды и удовлетворение моему другу. И вот сейчас мой Феликс снова мегапопулярный фотограф... готовящий большое танцевальное шоу.

После разговора с Филом я улыбаюсь и готова покорить весь мир. Когда-то вот так же, с помощью нескольких слов, меня заряжала позитивом моя мамочка. Теперь моим аккумулятором стал Феликс. День, который начался с пожелания удачи от моего друга, просто обязан быть прекрасным!

Глава 6

2003 год

С Эльвирой мы больше не конфликтуем, да и времени для этого совсем нет. Каждое утро я проглатываю полезный завтрак, приготовленный приходящей домработницей Ниной, и тороплюсь в школу. Выходить приходится за час, так как не всегда удаётся втиснуться в переполненную маршрутку.

Ежедневно, при входе в школу меня встречает мамина улыбка с большой фотографии на стене. Мне нравится думать, что мама желает мне удачи, и я с энтузиазмом включаюсь в учебный процесс. Теперь гранит науки я грызу в разы усерднее, чем раньше, и даже с каким-то остервенением. Когда мама была жива, я изучала два языка – французский и английский. Теперь же английскому я стала уделять вдвое больше времени и на порядок больше старания. Тем более новый преподаватель французского ничего нового дать мне не может. Даже подозреваю, что ему самому до моего уровня, как до Парижа. Желающих изучать гламурный язык в нашей школе сильно поубавилось. А в остальном в шумном школьном улье всё, как прежде.

После уроков я обычно сижу в кабинете Шерхана и делаю домашнее задание, ожидая Витька. Уроков у него больше, чем у меня, и заканчиваются они, следовательно, позднее. Потом мы вместе едем на тренировку, где я выкладываюсь до полной потери сил. Серёжа даже волнуется, что я рискую надорвать свой юный организм. После изматывающей тренировки я доделываю уроки в танцевальном зале, где Серёжа продолжает муштровать другие группы. А уже по окончании всех занятий, оставшись вдвоём, мы с моим наставником отрываемся от души – танцуем хип-хоп. Но это наша чудесная тайна на двоих.

В бабкин дом я всегда возвращаюсь поздно вечером и часто, вместо ужина выпив стакан молока, отключаюсь, едва добравшись до постели. Эльвира вдруг так обеспокоилась моим режимом, что даже решила поговорить с Шерханом. Но он заверил бабушку, что я под неусыпным контролем, что Витёк с Серёжей не представляют опасности, что учусь я – дай бог каждому, готовлюсь к новому танцевальному конкурсу. и волноваться ей абсолютно не о чем. Правда, сам Шерхан очень сильно разволновался, считая, что я сознательно надрываюсь. А что, всё правильно думает – чем больше я рву свои жилы, тем меньше думаю о несправедливой и жестокой судьбе.

* * *

Сегодня воскресенье – чудесный мартовский день. Вытащив меня в кафе Шерхан купил целую гору пирожных, сок и, придвинув мне угощение, твёрдо заявил:

– Я, Диана, вот что думаю – летом заберу тебя с нами на море. С женой я уже поговорил.

В моей памяти вдруг всплыли барашки волн, крик чаек и утопающее в море закатное солнце. Прошлым летом в Ялте проходил очередной танцевальный конкурс, и именно тогда я впервые увидела море и влюбилась в него. Те три дня были очень счастливыми, но теперь... Смогу ли я когда-нибудь испытывать подобные ощущения? Жизнь, как ни странно, действительно продолжается, и я даже снова научилась смеяться, но куда-то исчезли лёгкость и беззаботность. Что-то острое, колючее внутри меня не даёт дышать полной грудью, не позволяет загадывать и мечтать. Растает ли когда-нибудь этот ледяной осколок в моём сердце?

Я с благодарностью и нежностью смотрю обеспокоенному Шерхану в глаза:

– Денис Палыч, Вы и так очень много для меня делаете, но это уже слишком. Не надо Вам ссориться со своей женой и портить себе отпуск. Вряд ли мне будет комфортно в такой

обстановке, Вы ведь понимаете. Да и времени у меня нет совсем – тренировки, репетиции, конкурсы...

Шерхан вспыхнул:

– А у тренера твоего что, отпуска не бывает? Танцы твои тебя совсем угробят! Ты давно себя в зеркало видела? Одни глазищи остались!

– Ага, а ещё губы и задница, – я весело улыбаюсь.

– Ешь давай, вобла с задницей, – хмуро проворчал Шерхан и задумчиво уставился в окно. – Я вот всё не пойму, Диан, а как ты со своими ровесниками общаешься? С подругами твоими, например... тебе не скучно с ними?

– Вы о чём это, Денис Палыч? – я насторожилась.

– Да нет-нет, всё правильно, девочка, – он махнул рукой. – Нечего раньше времени соваться во взрослую жизнь, а тебе и так нелегко, вон, покушать даже некогда. Просто думаю, что слишком развитая ты, потому и волнуюсь за тебя. Витёк там себе ничего лишнего не позволяет, руки не распускает? А то ведь я ему враз оторву их по самые плечи.

– Конечно, распускает, он же мой партнёр, – поддразнила я и рассмеялась.

– Ты ж меня прекрасно поняла, и вообще, имей в виду, если что... Короче, звони мне в любое время дня и ночи, ясно? А про море ты всё же подумай, хорошенько подумай, – Шерхан старается выглядеть суровым, но я-то вижу, как он смущён и взволнован.

– Я подумала уже, Денис Палыч, хорошо подумала, и давайте не будем больше про море.

– А может, в лагерь тебя?

– Ну какой лагерь, Вы же сами сказали, что я слишком взрослая. Я что там делать-то буду?

– И то правда – это я ляпнул, не подумав. Ладно, организуем что-нибудь. У тебя на сегодня какие планы?

– С девчонками встречаюсь, в кино пойдём.

– Вот! В кино – это очень хорошо, а то ты совсем света белого не видишь. Держи вот деньги... Здесь и на кино, и на всю следующую неделю, – Шерхан извлёк из портмоне несколько купюр.

– Да вы что, Денис Палыч, у меня ж денег полно ещё, вы же мне много дали на прошлой неделе. И бабка мне на проезд всегда даёт.

Ох, как же смущает меня этот процесс финансирования – чувствую себя какой-то побитой рушкой беспризорной.

– Это хорошо, что даёт, деньги лишними не бывают. А на прошлой неделе я тебе к 8-му Марта давал, чтобы купила себе что-нибудь. И хватит уже мои деньги экономить, вопрос исчерпан. – С этими словами Шерхан придвинул ко мне деньги и свирепо уставился на меня. – Давай, доедай уже свои десерты, и отвезу тебя к твоим подружкам-свистушкам, – проворчал он.

– Да куда доедай? Тут и за неделю не съесть.

– Ничего, с собой заберёшь, заодно и подруг угостишь.

Шерхан расплатился по счёту и попросил официантку упаковать пирожные. Как же приятно и необходима мне эта забота! И если моя мамочка нас видит сверху, то теперь уже непременно должна полюбить Шерхана.

* * *

Дашка с Янкой лопают пирожные и мычат от наслаждения. Мы втроём расположились на широкой Янкиной кровати, в её комнате, где царит невообразимый бардак. У Янки всегда так – всё чересчур. Если она принимается наводить марафет, то делает это до стерильной чистоты. К сожалению, и бардак у неё получается невероятный. Это ещё надо сильно постараться, чтобы

такой жуткий хаос устроить. Радует Янка всегда тоже чересчур бурно, а обижается, к счастью, редко. Но уж если обидится – на хромой козе не подъедешь! И злится подруга очень опасно.

Высокая, крепко сбита, Янка больше походит на пацана, да и повадки у неё пацанские. Лицо у нашей Янки не слишком выразительное – никакой мягкости и нежности. Волосы серо-русого цвета острижены всегда одинаково, едва прикрывая уши, а чёлка висит на глазах. Из одежды подруга предпочитает только джинсы, широкие свитера, толстовки и футболки. А на ногах неизменные огромные ботинки, по типу армейских. Да и найти туфли на её сорок второй размер ноги – дело непростое. И только мы с Дашкой знаем, что грубая пацанка Янка в душе очень добрый, ранимый человечек и замечательный друг.

– Ну, чего там, эта крыса, тётка твоя, не объявлялась больше? – с набитым ртом поинтересовалась Дашка.

– Неа.

– Девки, а давайте выследим эту сучку и наваляем ей, как следует, – Янка села на своего конька.

Дашка одобрительно закивала и замычала с набитым ртом.

– Собирайтесь, давайте, бандюги, а то на сеанс опоздаем, – поторопила я девчонок и добавила: – Я вот думаю, может, тётка и не заберёт меня к себе, а... А что – бабке я не мешаю, полковник меня вообще не видит – со мной ведь и хлопот никаких. Может, они ещё передумают, и тогда я останусь у бабки?

Но моим надеждам не суждено было сбыться и день X всё же настал.

Глава 7

2018 год

Чудесное утро! После разговора с Феликсом на мобильник пришло долгожданное сообщение от Реми:

«Доброе утро, любимая Мышка. Хорошего тебе дня, позвоню вечером. Люблю тебя!»

«И я люблю тебя, мой хороший. Жду звонка».

Приняв душ, чувствую себя бодрой и отдохнувшей, будто не три часа спала, а полноценных восемь. Высушив волосы феном, я оставила их распущенными. Раньше я редко им позволяла отрасти ниже плеч, но за два последних года отпустила свою каштановую гриву до лопаток и немного разбавила осветлёнными прядями. Выглядит очень эффектно. Надеваю чёрные узкие джинсы, водолазку и отправляюсь завтракать.

В ресторане на первом этаже отеля занимаю столик у окна. Посетителей сейчас очень мало, ведь время для завтрака уже прошло. Сделав официантке заказ, я перевожу взгляд в окно. Московское небо заволокло серыми тучами, и крупные капли дождя застучали по мостовой. Октябрь – мрачный, но не самый плохой месяц. Самым ненавистным для меня был и остаётся февраль. Даже май, когда-то принесший мне столько боли и страданий, теперь, спустя годы, ассоциируется с теплом, сиренью и Днём Победы. Я отсутствовала в России дольше, чем прожила в ней когда-то, но 9 Мая был и остаётся одним из моих самых любимых праздников, который мы отмечали с мамой. Мой прадед прошёл всю войну и победу встретил в Берлине. Дед бережно хранил все ордена и медали своего отца и особенно гордился двумя орденами Красной Звезды. Жаль, мне не довелось увидеть эти награды, о них мне рассказывала моя мама. Каждый год, 9 Мая мы с ней приносили цветы на могилу прадеда. Следит ли теперь кто-нибудь за его могилкой? И кто хранит его награды?

Задумчиво глядя на дождь, я не сразу заметила, когда в ресторане наступило оживление.

– Вау! Подумать только, какой экзотический цветок в середине осени, да в самом центре столицы! Други, а мы, похоже, не зря сюда приехали.

Трое молодых мужчин в деловых костюмах окружили мой стол.

Ну, началось...

Я с досадой оглядываю непрошенных гостей, отмечая их живой интерес к моей персоне.

– Как Вас зовут, прекрасная незнакомка? Позвольте к Вам присоединиться?

Видимо, не отвяжутся, даже если я буду молчать, как мёртвый партизан. Не потрудившись придать доброжелательности своему лицу, я пояснила нарушителям моего спокойствия на французском языке, что желаю побыть одна. А прочитав полное непонимание на вытянутых лицах, рассказала им на том же французском короткий пошлый анекдот и послала всех троих в задницу. Мне даже весело стало. Но интерес ко мне, как и следовало полагать, не пропал, и компания удобно расположилась за моим столом.

– Вот это бомба! – воскликнул самый разговорчивый рыжеволосый симпатяга. – Вы слышали её голос? Сирена!

– Да, зачётная соска! – отозвался второй, русоволосый парень с колючим тёмным взглядом. – А губы какие, м-мм! Этот бы ротик...

– Закройся, Серый, – прервал разгулявшуюся фантазию рыжий, – вечно ты всё опопшишь. Кстати, а что за язык, французский, что ли?

– Точно французский, – включился третий персонаж, похожий на грузина. – Серый, ты же в школе, вроде, французский изучал?

– Ага, типа изучал. С тех пор по-французски я помню только «шпрехен зи дойч».

Раздался дружный гогот.

К столу подошла официантка и, поставив передо мной овсянку и сок, поинтересовалась:

– Вам кофе сразу принести?

Я ответила на непонятном ей французском, чтобы сгинула быстрее и не портила мне сценарий. Вид у официантки стал растерянный. А тот, который Серый, не растерялся и задал девушке логичный вопрос:

– Скажите-ка, красавица, а как француженка Вам сделала заказ, если по-русски не знает ни слова?

Я взяла в руки мобильник, чтобы войти в приложение «переводчик». Но девочка оказалась сообразительной и, пока я писала ей, чтобы принесла кофе через десять минут, она объяснила парням, что не принимала у меня заказ, а просто заменила другую официантку. Далее, прочитав моё послание, девушка кивнула и невозмутимо обратилась к парням за заказом.

– Подойдите минут через пять, мы пока не определились, – отшил её рыжий и обратился к своим друзьям: – Вот мы тормоза, переводчик же есть в мобиле!

Серый с Грузином тут же уткнулись в свои телефоны, а сам рыжий, вероятно, лёгких путей не искал и, ткнув себя в грудь большим пальцем, гордо заявил:

– Я – Юрий, а ты? – указал он на меня.

Я с грустью посмотрела на остывающую овсянку и ответила с сильным акцентом:

– Эсмеральда.

– Твою ж Парижскую Богоматерь! – проявил чудеса эрудиции Серый.

– Не, ну так разве бывает, чтоб всё в одном флаконе – потрясная красотка с нереальным голосом, да ещё Эсмеральда! – воскликнул эмоциональный Юрий, не отрывая от меня восторженных глаз.

Противный Сергей стал подсовывать мне свой гаджет, в котором сформулировал какой-то вопрос. Но я, решительно отодвинув его руку, заявила, всё на том же французском, что они меня порядком достали, и я хочу уже позавтракать, и не желаю, чтобы они пялились мне в рот. Говорю очень строго и быстро, кивая на свой завтрак.

Самый молчаливый, Грузин, имя которого осталось в тайне, догадался:

– Ребят, мы ей кушать мешаем, наверное.

– Да пусть заправляется, чего ломаться-то? А я хоть посмотрю, как она ротиком работает.

Слова оборзевшего Серого стали последней каплей. Положив ладони на стол, я резко подалась вперёд, вперила пылающий злобой взгляд в хама, и голосом, режущим лёд, металл и мозг, потребовала на родном русском языке:

– Просто свали!

Три челюсти синхронно отвалились.

– Не понял... – отмер первым Серый.

Я злобно оскалилась:

– Для недоразвитых могу пояснить. Быстро поджал свой похотливый хвост, прихватил корешей и мигом сдригнул из-за моего стола. Не исчезнешь быстро, мой остывший завтрак украсит твою наглую рожу. Это понятно? – с этими словами я взяла в руки пиалу с кашей.

Безымянный Грузин подорвался первым, торопливо бормоча извинения. Серый отпрянул от стола и, отъехав на стуле на безопасное расстояние, сдавленно произнёс:

– Блядь, да она ведьма!

Держа пиалу в руках, я медленно поднялась из-за стола, но Юрий поднял руки, показывая мне, что сдаётся, и взволнованно произнёс:

– Ради бога, простите моего друга и нас всех, мы уже уходим и не будем Вам мешать. Серый! – он рявкнул на окаменевшего друга и, схватив того за рукав, потащил к другому столу.

Потерь избежать не удалось – я тоскливо осмотрела остывший завтрак. Официантка Алина принесла кофе и с удивлением оглянулась на компанию, расположившуюся через три стола от меня. Положив щедрую купюру на стол, я улыбнулась.

– Благодарю Вас за помощь. А счёт за мой завтрак отнесите, пожалуйста, вон за тот столик, – я кивнула на компанию неудачливых пикаперов. Девушка растерялась:

– Спасибо большое, но Вы не будете возражать, если я вначале уточню у них по поводу счёта?

– Пожалуйста, – великодушно согласилась я, отпив глоток крепкого горячего напитка.

– Вы совсем не позавтракали, – огорчилась Алина. – А хотите блинчики с джемом или сгущёнкой? Это будет быстро.

– А давайте с джемом, но блинчики в тот же счёт.

Девушка кивнула и, нацепив профессиональную улыбку, направилась к мужчинам. То, что им донесли мои требования, стало понятно сразу.

«Охренеть!» – громко возмутился Серый.

«Нет проблем» – широко улыбнулся Юрий и приложил руку к груди. Обаятельный парень.

Вместе с блинчиками официантка принесла бутылку не самого лучшего игристого вина и коробку шоколадных конфет в качестве извинений от сбежавшей компании. Оставив презенты Алине, я быстро расправилась с завтраком и, уже выходя из ресторана, услышала за спиной: «Охренеть!» Похоже, мальчики оценили мой тыл.

2

Лишь в номере я опомнилась, что чемоданы до сих пор не разобраны и принялась за дело. Классная вещь этот портативный отпариватель – в постоянных странствиях незаменим. А доверять работникам отеля утюжку моих вещей я не могу после того, как мне испортили дорожную блузку. Красивые вещи я очень люблю, но в обычной повседневности всё же отдаю предпочтение джинсам и удобной обуви. Феликс говорит, что нашу феноменальность ничем не замаскируешь, но всё равно предпочитает элегантную классику. А я – удобство и комфорт.

Оглядела себя в зеркале перед выходом, и на ум пришло: «ворона в трауре». Джинсы, сапожки, плащ – всё черное. Траур я разбавила любимой, болотного цвета, сумочкой из крокодиловой кожи. Безумно дорогая дизайнерская вещь до сих пор вызывает у меня щенячий восторг. Это подарок Андре. Воспоминания о нём всегда вызывают во мне противоречивые чувства, но именно сейчас я думаю о нём с нежностью.

Дождь за окном до сих пор не прекратился. Вот ведь, испортил мне пешую прогулку. Но я закинула зонтик в сумочку и, игнорируя лифт, спустилась по лестнице на первый этаж. Ещё издали я замечаю знакомую рыжеволосую фигуру у стойки ресепшна. Юрий настойчиво допрашивает дежурного администратора. Подойдя к ним ближе, я услышала:

– Молодой человек, я же Вам уже сказала, что мы не предоставляем такого рода информацию о постояльцах нашего отеля, – сдержанным тоном, уже, видимо, не в первый раз произнесла девушка.

Но упорный парень даже и не думает сдаваться, и это вызывает улыбку. Уверена, что я и есть тот самый, интересующий его постоялец. И в этот момент Юрий заметил меня. И столько радости в его глазах, будто это не я совсем недавно изображала Медузу Горгону.

– Я нашёл Вас! – прозвучало настолько восторженно, будто он нашёл клад.

– И давно ищите? – спрашиваю серьёзным тоном.

– Давно, – совершенно бесхитростный ответ. – Прошу Вас, давайте отойдём в сторонку. Всего пять минут, не отказывайте и не злитесь, пожалуйста.

– Что Вам нужно... Юрий, кажется? Разве я недостаточно вас напугала?

– Очень напугали! – поспешил заверить он. – Кстати, Диман больше всех испугался. А Серёга вообще решил, что вы... ну-у, типа фея.

– Фея типа ведьма? – рассмеялась я. – А Диман, надо полагать, ваш третий друг?

Парень согласно кивнул.

– Ну а Вы сами, Юрий, что подумали обо мне?

– Мне так приятно, что Вы запомнили моё имя, – улыбка парня стала запредельно счастливой. – Да я и не знаю, что подумал... Наверное, как Серёга... Просто у Вас были такие глаза – я подобных сроду не видел! И голос такой... Ой, простите, я не хочу Вас оскорбить, не обижайтесь только. Это я так неуклюже пытаюсь извиниться и пригласить Вас на обед, Вы только не отказывайте сразу. Знаю, что мы вели себя, как полные кретины, и мне очень стыдно.

Зелёный взгляд этого большого рыжего парня полон искреннего раскаяния. Разве можно такого не простить?

– А Вам разве нечего делать в разгар рабочего дня? – выражаю своё удивление.

– Да мы тут в командировке с ребятами и сегодня по случаю оказались свободны. Точнее, уже отстрелялись. Но зато следующие два дня обещают быть напряжёнными. Вот я и рискнул найти Вас сегодня, чтобы... – он растерянно развёл руками. – Да всё, что хотите, готов предложить!

– Прямо-таки всё? И не боитесь?

– Боюсь, конечно! Но надеюсь на благополучный исход.

– Значит, Вы здесь в качестве парламентария от своей компании? Не опасаетесь, что я порчу на вас наведу за сорванный завтрак? – дурацкий разговор меня стал забавлять.

– О такой проблеме я не подумал, если честно, – смутился вдруг Рыжик. – Но, в любом случае, я здесь сам за себя.

А почему бы и нет? Парень мне симпатичен, а сопровождение совсем не помешает. Чем я рискую в его компании? Решительно ничем.

– Знаете, Юра, мне необходимо сделать некоторые покупки, а мужчинам это обычно кажется скучным.

– Разве есть мужчины, которым с Вами скучно? – в его вопросе искреннее удивление. Нравится он мне!

– Предлагаю выяснить это прямо сейчас. Вы поможете мне своим присутствием во время шопинга, а потом мы сможем вместе пообедать. Идёт?

– Идёт, – поспешно заверил Юрий. – Значит, сегодня я в качестве телохранителя?

– Не совсем так... Скорее, в качестве компаньона. А Вас это не затруднит?

– Да нисколько! Я готов хоть всю жизнь охранять Ваше тело и составлять Вам компанию, – с жаром воскликнул парень и предложил мне свой локоть.

3

До ГУМа мы отправились пешком, вдвоём скрываясь под моим огромным чёрно-белым зонтом.

– А как Вас зовут по-настоящему? – спросил Юрий и заметно смутился.

Ну, конечно, ведь он ни разу не назвал меня по имени – просто не поверил, что я Эсмеральда.

– А Вы разве забыли?

– Ну-у... просто Вы представились Эсмеральдой... Это же была шутка?

– А Вам не нравится моё имя? – картинно возмущаюсь.

– Очень нравится! Оно красивое и... необычное, – поспешил оправдаться парень. – Просто для меня и Эсмеральда, и Шахерезада – почти сказочные персонажи.

– Не скажу ничего про Шахерезаду, но Эсмеральда вполне реальное имя.

– Простите... Конечно, у такой необычной девушки и имя должно быть необычным. Значит, я могу называть Вас Эсмеральдой? – спросил Юрий с явной надеждой на отрицательный ответ. Это меня рассмешило.

– Эсмеральда – моё второе имя, – призналась я, а увидев округлившиеся глаза парня, продолжила: – Так звали мою бабушку по отцу. У французов имя первой дочери складывается из имён бабушек. Ещё добавляют имя святого, но я не удостоилась этой чести.

– Так Вы всё же французенка? – в голосе Юрия удивление и восторг.

– А были сомнения?

– Не-эт! То есть поначалу нет... А потом, когда Вы нас так лихо отбрили по-русски, я даже и не знаю, что я там думал. Но на русскую Вы точно не похожи – выглядите, как шикарная иностранка. И как Ваше полное имя, мадам?

– Мадемуазель! – шутливо возмущаюсь.

– Вот я лох, я же не знаю этих тонкостей. Прошу простить моё невежество, мадемуазель... как Вас?

– Диана-Эсмеральда Шеро, – произношу с лёгким акцентом, вызвав в Рыжике очередной приступ восхищения.

– Аху...ренеть! Ой, простите, просто я очень впечатлился.

– Да ладно, хорошее, ёмкое русское слово, – успокоила я парня. – И на самом деле, Вы не ошиблись – обращение «мадемуазель», благодаря неутомным феминисткам, скоро канет в Лету. А жаль, мне нравилось быть мадемуазелькой, но теперь мы все мадам – и древние старушки, и мелкие соплюшки.

– Ух, да вы поэтесса! А, может, перейдём на «ты», Диан?

– Помнится, утром в ресторане Вы мне, Юрий, тыкали, не стеснясь.

– Ну, говорю же, лох невежественный, – в зелёных глазах расплескались веселье и раскаянье. Прекрасный коктейль эмоций.

– Ладно, Юра, давай на «ты» и, кстати, мы уже пришли. Итак, я прилетела в Москву налегке. И теперь мне нужны: обувь, одежда верхняя, нижняя и средняя... А так же охранник, советчик и носильщик.

– Это всё я! – с готовностью отозвался мой попутчик.

* * *

Спустя несколько часов мой охранник-носильщик, навьюченный покупками, тащится к отелю уставший, но очень довольный.

– Диан, обед мы уже прогуляли, а куда пойдём ужинать? – ненавязчиво напомнил Юра о моём обещании.

– Если ты ещё не передумал, то поищи ресторан с итальянской кухней. А через час встретимся в холле, на первом этаже.

– А можно я провожу тебя до номера, заодно сумки донесу, а через час там же встречу? – он широко улыбается, и я поддаюсь его обаянию.

– Если ты пообещаешь не караулить меня там всё время, тогда можно.

– Диан, а это будет наглостью с моей стороны, если я попрошу тебя надеть то красное платье?

В этот момент мой мобильник разразился долгожданным звонком, и мы вошли в лифт. Я поспешила принять вызов:

– Привет, любимый, уже освободился?

– Ага, а ты что на французском, шифруешься, что ли?

– Типа того. Мой попутчик точно не знает этот язык.

– Это какой там ещё попутчик, Ди, ты куда вообще путь держишь?

– Еду в лифте, а точнее, приехала уже. Перезвоню тебе через пару минут, милый, хорошо?

– Окей, жду.

Нажимаю отбой, уже подходя к двери своего номера. Юра сверлит меня тяжёлым взглядом, в котором несложно прочесть ревность. Этого ещё не хватало! Вхожу в номер и приглашаю своего нагруженного спутника. Он вошёл, огляделся и одобрительно присвистнул.

– Юр, бросай пакеты на пол, я позднее разберу, – неопределённо взмахнула рукой. – И иди уже заказывай столик в ресторане, если не передумал, конечно.

– Да не дождёшься, мадемуазель, – с вызовом бросил парень.

Я расхохоталась, а мой хмурый рыжеволосый носильщик со словами «буду ровно через час» покинул номер. Забавный парень... Надеюсь, вечер он мне не испортит?..

Открываю в мобильнике последний входящий звонок и нажимаю вызов.

– И что у нас там за попутчики? – без предисловий раздалось из динамика.

– А с чего это у нас подозрения?

– Да какие подозрения, Ди! Я уже с ума сошёл, думая, как ты там отбиваешься от русских мужиков и медведей.

– Реми, ну что ты плетёшь, какие медведи?

– Мышка, я же не в джунглях живу и видел достаточно роликов – медведи в России свободно ходят по дорогам и даже в городской черте. И мужики там совсем без башни.

Кажется, он вовсе не шутит.

– Ну, ты как маленький. Ты же понимаешь, что если бы это была норма, то подобных роликов не было бы.

– Мугу... И смотри, там за руль не садись, у них вообще никаких правил. А в такси езжай только на заднем сиденье, поняла? – Его приказной тон меня позабавил и порадовал – беспокоится.

– Ой, ну всё, запричитал, хватит уже чудить. Лучше расскажи, что там у тебя новенького, по девочкам не бегаешь? – пытаюсь отвлечь Реми от воспитательной лекции.

– Да какие, на хрен, девочки, сейчас точно не до них.

– Это что за тон, юноша, ты совсем обнаглел?

– Всё, прости, не буду больше, просто переживаю очень. Я вообще-то должен быть рядом с тобой, чтобы отстреливать самцов, пускающих вокруг тебя слюни.

– Да ты опасен, малыш, – наигранно ужаснулась я.

– Ага, я ещё тот ревнивец, так что смотри у меня, малышка, – в тон мне ответил Реми.

– Я это учту, милый. Кстати, мы договаривались с тобой общаться на русском, помнишь?

– Вот чьёрт! Но ты сама нарушила правила!..

– У меня на то были причины, а вот ты – как планируешь объясняться с русскими безбашенными мужиками?

– Так понятно как – на международном языке резких жестов, – смеётся Реми.

– Хулиган!

– Всё, Мышка, я погнал, времени нет. Береги себя, люблю тебя очень!

– И я тебя очень люблю, мой хороший. Не забывай мне звонить... – и моё финальное «целую» повисло в воздухе.

Как же я невыносимо хочу к нему – моему Реми!

До прихода Юры осталось пятнадцать минут, а у меня ещё конь не валялся. Но ничего, не барышня – подождёт немного. Вещи разбирать уже некогда и все купленные обновки я разложила на огромной кровати. Да, шопинг удался на славу.

Стук в дверь раздался ровно в назначенное время, а я в чулках и нижнем белье выпрямляю утюжками волосы от заломов после резинки. Всё же надо было назначать встречу через пару часов. Я приоткрыла дверь, предварительно спрятавшись за ней, и выглянула наружу, разглядывая гостя. Симпатяга! В пальто нараспашку, благоухающий Рыжик жадно пожирает взглядом моё обнажённое плечо с тонкой лямкой от бюстгальтера.

– В глаза смотреть! – отдаю ему резкий приказ и улыбаюсь, а гость, наконец, отмер и смутился. – Юр, сейчас медленно досчитаешь до пяти и войдёшь. Только у меня такой бардак, словно Мамай по номеру прошёлся.

Он молча кивнул, и я закрыла дверь перед его носом. Прихватив платье, сапожки и косметичку, прячусь в ванной комнате. Косметикой я вообще пользуюсь нечасто и сейчас лишь немного мазнула чёрной тушью по ресницам, делая свой взгляд выразительнее.

– Я вошёл, – послышалось из комнаты.

– Хорошо, надеюсь, ты отыщешь место, где присесть.

– Да у тебя тут не бардак, а брендовый беспредел, – вынес гость свой вердикт.

– Ну, тогда наслаждайся.

С макияжем я закончила быстро. На губы нанесла прозрачный блеск – они и так достаточно приметные. Я стараюсь нечасто пользоваться яркой помадой, чтобы не слишком акцентировать внимание на моих губах. Обычно женщины столько сил прилагают, чтобы увеличить свои губы, а тут хоть сдувай.

Алый стрейчевый трикотаж облегает фигуру, как перчатка. Платье длиной чуть ниже колена могло бы показаться скромным... Но глубокий v-образный вырез, яркий цвет и тонкая облегающая ткань делают меня в нём если не вульгарной, то вызывающе смелой. А когда это меня останавливало? Замшевые чёрные сапожки на тонкой шпильке прибавили к моим ста семидесяти сантиметрам ещё десять. Пойду, испытаю парня на прочность.

Встряхнув волосами, выхожу из своего укрытия. А мой гость подскочил из кожаного кресла и... ошоломел. Приятная реакция.

– Долго будешь изображать памятник имени себя? – подтруниваю над очарованным Рыжиком.

– Да я ещё там, в магазине, когда увидел, чуть инфаркт не получил, а теперь он, похоже, неизбежен. Мне, чтобы тебя сопровождать, ружьё не помешало бы, – Юра нервно сглотнул.

– Так что, не идём никуда? – я повернулась к большому зеркалу и внимательно себя осмотрела.

Согласна, ружьё было бы не лишним. Хороша! На фоне очень тонкой талии моя грудь смотрится впечатляюще. Позади меня, почти вплотную, подошёл Юрий.

– Откуда ты такая, Диана? – спрашивает, шумно вдыхая.

Память откинула меня на много лет назад, где, в такого же цвета платье, я была на вершине славы.

– С Олимпа, вестимо.

Глава 8

2003 год

Воскресное утро выдалось солнечным. Я бы и рада поспать подольше, но солнышко сквозь незашторенное окно слепит глаза. Я уткнулась лицом в подушку, но сон больше так и не пришёл. Из кухни тянется аппетитный аромат свежей выпечки, и желудок начинает требовательно урчать. Ах, да – я же ела почти сутки назад. Днём не успела, а вечером мы с Серёжей танцевали почти до упаду. И, когда к десяти часам вечера я вернулась в бабкин дом, мне было лень даже челюстями работать.

На часах половина девятого. Странно, Эльвира вечно на диете, а тут такие ароматы – небось своего Гоблина решила с утра порадовать. Пойти, что ли, позавтракать или сначала помыть голову? Недолго думая, сделала выбор. Процедура мытья головы обычно долгая, сложная и забирает очень много шампуня и времени. Нелегко носить на голове такую гриву – густые и тяжёлые волосы отросли уже ниже попы. Ухаживать за ними без мамы я не привыкла, и хотя это невероятно трудно, отрезать их я не решаюсь.

Едва я справилась и обмотала голову полотенцем, в дверь ванной комнаты постучали. А следом бабкин голос нежно пропел:

– Дианочка, ты тут?

Интересно, если я скажу, что меня здесь нет, она пойдёт искать в другом месте? Но я решила не вредничать.

– Да, Эльвира, я мыла голову.

– Детка, ты скоро выйдешь? А то у нас гости...

Это что ещё, блин, за гости?

Неприятно заныло под ложечкой – хоть бы не те, о ком я думаю. Но что-то мне подсказывает, что именно ТЕ.

– Мне волосы надо высушить, – отозвалась я.

А ещё мне необходимо успокоиться, досчитав до трёх миллионов, и поразмышлять под гудящим феном.

Спустя десять минут я перехватила мягкой резинкой слегка влажные волосы и чистая, одетая в джинсы и футболку, вышла к гостям. И сразу наткнулась на ледяной взгляд голубых и таких зачем-то похожих на мамин, глаз. Видимо, это и есть моя тётушка. Если бы взглядом можно было уничтожить, то ошмётки меня уже соскребали бы с пола.

Надежда восседает за столом с видом императрицы перед объявлением своей беспощадной воли попавшим в немилость подданным. Облегающее тёмно-синее платье подчёркивает стройную фигуру и маленькую грудь. Наверняка эта платиновая блондинка красива, но у меня совсем не получается быть объективной по отношению к этой белой крысе.

Рядом с ней сидит пухлый очкарик с добродушным лицом. Он явно старше блондинки, но однозначно милее. Пухляк смотрит на меня с любопытством и улыбается. А напротив этой парочки расположились лучезарная Эльвира и грозный полковник. И все дружно вытаращились на меня. А у меня создалось ощущение, что я на суде присяжных.

– Давай-ка, Дианочка, присаживайся к столу, будем знакомиться и завтракать. – пропела бабка.

И – караул! – она указала на место во главе стола.

Ох, а можно мне где-нибудь в уголке посидеть? А лучше свалить быстрее и подальше от этого стола и от этого дома с его опасными обитателями.

Но я молча, нетвёрдой походкой приблизилась и заняла свободное место за столом. Передо мной стоит чашка с ароматным какао, а на широком блюде посреди стола умопомрачительно пахнут сложенные конвертиками блинчики. Желудок тут же громко отреагировал на

аромат голодным урчанием. Какой позор! Эльвира снисходительно улыбнулась и тут же поспешила с объяснениями:

– Дианочка просто вчера не поужинала. Она очень много занимается и сильно устаёт, а о еде часто забывает.

Бабкиным масляным голосом можно дверные петли смазывать. Что это с ней?

– Диана, – продолжила Эльвира, – познакомься, деточка, это твоя тётя Надя.

– Надежда Ивановна, – неласково исправила её ледяная сосулька.

– А это Эдуард Алексеевич, – как ни в чём не бывало продолжила бабка.

Я молча кивнула гостям, потому что в зобу уже давно дыханье спёрло. Нет, ну а что мне им отвечать – «очень приятно»? Так это враньё. А то, что я Диана, они и так в курсе. Чтобы усмирить протестующий от голода желудок, я взяла в руки чашку и, выпив сразу половину тёплого напитка, закашлялась под пристальными взглядами.

– Я на минутку, извините, – придушенным голосом просипела я и вылетела вон из кухни.

– Ужас какой! – послышался мне вслед брезгливый голос тётки.

Я заперлась в ванной, прокашлялась и сполоснула лицо холодной водой.

Господи, пожалуйста, помоги мне это выдержать!

Осторожно выглянув из своего укрытия, я услышала голос полковника:

– Нет, ну а что вы хотели, да я бы вообще обосрался под такими взглядами, а девчонка лишь поперхнулась.

– Лёнечка! – воскликнула шокированная бабка.

– А что Лёнечка? Вы познакомиться собрались или смертную казнь ей выносить? Что глазами лупите? Знаете, как это выглядело – ты, девочка, пока кушай, а мы в тебя постреляем.

– Да что Вы такое говорите, Леонид Петрович? – холодный тон тётки сменился на обиженный.

– Да я говорю как есть! Я в своём доме, а вы у меня в гостях, а не на заседании суда над врагом народа. А если вы приехали повыгрёбываться, то можете валить к себе домой, и там друг перед другом выгрёбывайтесь.

Громыкнул стул, и послышались тяжёлые, торопливые шаги полковника, покидающего поле боя после разгрома врага.

Я рванула в свою комнату. Вот это Полкан! Вот это он выдал! У меня даже не получается дать оценку его действиям – я слишком взволнована. Из коридора послышался визгливый тёткин голос и всхлипывания, сливающиеся с причитаниями расстроенной бабки и тихим бухтением Пухляка. Ура – уходят! А точнее, сбегают, как трусливые крысы. Ну и скатертью им дорога! И ветра попутного. И порывистого!

Эльвира вторглась на мою территорию лишь спустя часа два. Наверняка распиналась перед Полканом. Глаза у бабки покраснели, а нос слегка распух. Она тяжело вздохнула и спросила:

– Диана, у тебя какие были на сегодня планы?

Были? Неожиданная постановка вопроса! Похоже, не судьба этим планам претвориться в жизнь.

– Я собиралась съездить на кладбище, а потом встретиться с девочками, – отвечаю честно.

– Девочки могут и подождать, а на кладбище зачем? Ты же туда каждую неделю ездишь. Что ты там делаешь одна? Страшно ведь...

– Я разговариваю с мамой и мне совсем не страшно, – признаюсь с ноткой вызова в голосе.

– Ну, ладно, – смутилась бабка, – потом, через недельку съездишь.

И на мой вопрошающий взгляд пояснила:

– Диана, нам необходимо собрать твои вещи. Можно пока только самые необходимые, на первое время, и я отвезу тебя к тётке Наде.

В глаза мне Эльвира совсем не смотрит. Ну вот, всё же вынесли мне приговор.

Сердце колотится по рёбрам, позвоночнику и, кажется, даже в горле. Просить, чтобы меня оставили здесь, нет никакого смысла. Бабка всё видит, всё понимает, но всё равно приняла решение. Что ж, этого следовало ожидать. Просто я немного расслабилась, а теперь пришлось время собраться и сгруппироваться.

2

На такси до тёткиного дома мы добрались за тридцать пять минут. Если учесть, что сегодня воскресенье, то на маршрутке, в будний день придётся ехать больше часа до центра и ещё плюс час до школы. Как же мне теперь быть – вообще, что ли, не спать? Однако свои мысли я держу при себе. Ничего, придумаю что-нибудь, лишь бы не другая школа.

На лифте мы поднялись на двенадцатый этаж новенькой шестнадцатизатяжки и остановились перед красивой, бронированной дверью. Замуровались, как в бункере, – значит, есть повод бояться. Дверь нам открыл Пухляк и широко разулыбался.

– А мы вас ждём, проходите, вот тапочки, пожалуйста.

Хозяин квартиры раздал нам тапочки и проводил в просторную кухню, где за накрытым кухонным столом восседают три ледяные скульптуры. Дубль два!

Скользнув мельком по тётке, мой взгляд остановился на русоволосом парне. Это и есть тот сволочной, белобрысый Артурчик? Красивый мальчик, но неприязненный взгляд голубых, как у матери, глаз и презрительно искривлённые губы меня сразу насторожили. А что я, собственно, здесь ожидала – ковровую дорожку, фанфары и шарик?

– Чё уставилась? – подал голос высокомерный красавчик.

– Запоминаю, – невольно вырвалось у меня.

– Артур, это что за поведение? – укоризненно молвила бабка. – Ты даже не поздоровался.

– Привет, Эльвир! – сориентировался этот придурок, продолжая пялиться на меня.

Ну, давай, смотри, козёл, тем более есть на что посмотреть.

Белобрысая, тощая пигалица с двумя жиденькими косичками запоздало выскочила из-за стола и бросилась обнимать бабку.

– Снежаночка, принцессочка моя, как же я соскучилась, моя куколка!

Куколка, блин, пуколка – моль бледная!

– Эльвира, а что ты мне принесла? – пропищала Моль.

Я закатила глаза – детский сад! Сколько, бабка сказала, лет этой принцессе Дурандот? Кажется, она на год младше меня? Да-а уж!

– Ох, прости, моя маленькая, я ничего не успела купить, но я дам тебе денежку, и ты сама купишь, что захочешь, хорошо? – бабка сюсюкает с ней, как с недоразвитой. Да она так и не разовьётся никогда.

– Ну ладно, – капризно протянула куколка.

– Дети, – прервал Пухляк сюси-пуси, – познакомьтесь, это Диана, она ваша двоюродная сестра и теперь будет жить с нами. Но об этом мы вас уже предупреждали.

– И где она будет жить – в вашей спальне или в Снежкиной? – лениво поинтересовался Артурчик.

– Пока в зале, а потом видно будет, – раздражённо ответила тётка.

– Там же у нас телевизор и компьютер, – раздался противный писк.

– Тогда поменяйся с ней местами, – заржал Артур.

– Ага, конечно, тебе хорошо, у тебя ноутбук есть. Пусть она спит в кухне, на диване, – захныкала Моль.

Эй, ау! А ничего, что я тоже здесь присутствую?

Неужели нельзя было обсудить это заранее. Абсолютно идиотская ситуация, и что мне делать – продолжать и дальше прикидываться глухонемой? А может, если я уйду, они и не заметят? Я действительно повернулась к выходу и сделала пару шагов. Заметили.

– Ты куда? – в один голос спросили бабка и Пухляк.

Наверное, только они меня и видят. Может, ещё слух у этой «семейки Адамс» проверить – послать их всех громко в жопу?

– А где можно руки помыть? – нашлась я.

– Пойдём, я тебе покажу, – подхватился Пухляк и повёл меня по коридору. – Диан, ты не обращай внимания, ладно? Дети просто немного растерялись, а вообще они очень хорошие.

Даже интересно – это он о чьих хороших детях сейчас говорит?

– Ладно, – равнодушно согласилась я.

Как только мы с Пухляком вернулись в кухню, Эльвира запричитала:

– Дианочка, присаживайся к столу, тебе надо покушать. Ты же так ничего и не ела!

Не говорить же при всех, что пока она умасливала полковника сегодня утром, я успела схомячить три блинчика. Конечно, они уже давно провалились и переварились, но терпеть пока можно. Обедать в этом серпентарии я точно не смогу.

– Спасибо, но я не хочу пока, – ответила, глядя в глаза Эльвире и, кажется, её мозг посетило просветление.

– Ох, мы же забыли кое-что купить, – встрепенулась бабка и встала из-за стола. – Пойдём, Диана, сходим в магазин.

– И я с вами, – прогундело бледнолицее привидение, услышав волшебное слово «магазин».

– Да? – растерялась бабка. – Снежаночка, не надо, ты лучше кушай, вон ты какая худенькая, а я сама схожу и куплю тебе, что скажешь.

– Я хотела тебе куклу показать, – капризно захныкала Снежаночка.

Нет, ну какой же противный голос. Куколка захотела куколку, лучше кляп ей купи, чтобы поберечь мои уши.

– Деточка, куклу в другой раз, ладно? У меня сейчас просто денег не хватит, – сокрушённо промямлила бабка и ломанулась к выходу, увлекая меня за собой. А Моль скривила бледные тонкие губки и сморщила бледный носик.

Ага, заплачь ещё, а я поржусь!

* * *

– Дианочка, – причитает по пути в супермаркет бабка, – как же ты теперь будешь в школу отсюда добираться?

Да как, блин, – на собаках! Вовремя же ты озадачилась этим вопросом, кляча старая.

* * *

– Вот, смотри – я купила тебе большой флакон шампуня, новую зубную щётку и вот ещё немного денег на проезд. Теперь пойдём, купим тебе перекусить. Я же поняла, что ты не можешь там покушать, но надо привыкать, деточка. Что тебе купить? – бабка суетится, как заботливая квочка.

– Йогурт питьевой, – хмуро ответила я.

– И всё? Может, булочку? Раньше ты была такая сбитая, крепенькая, что я даже искала для тебя диету, а сейчас вон совсем растаяла. Одна булочка тебе не повредит, если не увле-

каться. Но кушать обязательно надо, чтобы были силы. А то вон, наша Снежаночка такая хрупенькая, что... – и бабушку снова понесло.

Вот что она за человек и как устроен у неё мозг? К чему она сюда свою стрёмную Молю приплела?

– Мама твоя, небось, смотрит на тебя сверху и волнуется, – всхлипнула бабушка.

– Про маму только не надо, – грубо отрезала я, а она обиженно поджала губы.

Да уж, мамочка, если ты наблюдаешь за мной, то тебе действительно есть о чём волноваться – стоит только посмотреть, как твоя любимая семейка ненавидит твою маленькую Вишенку. Неужели ты никогда не замечала, какие они все лицемерные твари? Заставляешь меня бороться, мама... А что же ты сама не боролась, почему так легко сдалась, когда тебя вышвырнули из дома, из семьи с младенцем на руках? А мне теперь тоже последовать твоему примеру – склонить голову под гнётом вины и страха, и смиренно ждать, когда придавят ногой сверху? Вот только я ни перед кем не виновата! Так за что же я должна платить? Ты говоришь, что наблюдаешь за мной, охраняешь? Как же я тогда оказалась посреди минного поля и куда мне отсюда двигаться? А уж если это расплата за твои грехи, мамочка, то поверь, когда я взорвусь – осколками прихвачу всю твою уродливую семейку. Это я тебе обещаю!

Глава 9

2018 год

Мы расположились в уютном итальянском ресторане неподалёку от нашего отеля. Юра захлёб рассказывает о своём прекрасном городе, не очень удачных попытках строить собственный бизнес, сетует на предстоящие скучные тренинги и с завидным аппетитом уплетает пасту карбонара. Передо мной тоже стоит паста с морепродуктами, но есть совсем не хочется, и я лениво потягиваю из бокала «Совиньон Блан». Вот же кошачья моча, и как вообще эта дрянь попала в карту вин? Производство Франции? Очень сомневаюсь! Заметив, что Юра не пьёт, я поинтересовалась:

- Что, Юр, не нравится вино? Мне, кстати, тоже.
- Да я в винах, честно говоря, не силен, – с застенчивой улыбкой произнёс парень.
- Тогда закажи то, в чём знаешь толк. Что ты предпочитаешь?
- С тобой, Диана, я предпочитаю оставаться трезвым, а вообще уважаю коньяк.

Я предусмотрительно решила не расспрашивать Юру о любимых марках коньяка, предполагая, что не сумею искренне оценить его пристрастия и могу поставить парня в неловкое положение. Странно, когда это раньше меня заботили подобные мелочи? Юра оказался умным, образованным парнем, но при этом простым и очень понятным. Нет в нём лишних понтов, свойственных молодым мужчинам, пытающимся очаровать понравившуюся женщину. Может, именно это меня в нём и зацепило? А ещё, с ним оказалось интересно и весело. Он легко готов поддержать разговор на любую тему и на всё имеет свою собственную точку зрения.

За то время, что мы провели вдвоём, я без сожаления отклонила несколько входящих вызовов, но этот звонок проигнорировать не могу. Звуки испанской гитары заставили меня улыбнуться и, извинившись перед Юрием, я приняла вызов.

- Буэнос тардес, Фели!
- Привет, малышка, ты уже покорила Москву?
- Пока нет, но в моих планах на завтра это пункт номер один.
- Узнаю свою прекрасную воительницу. Ты ещё не передумала выходить замуж?
- Фил, когда я поменяю планы, ты узнаешь об этом первым.
- Очень на это надеюсь, детка, ведь я же по-прежнему твой лучший друг?
- Фели, ты самый лучший и единственный.
- Моя одинокая, потерянная девочка скучает? – жалостливо протянул Феликс.
- Не такая уж я и одинокая и уж точно не потерянная. Например, прямо сейчас я ужинаю в ресторане с очень милым молодым человеком, – с удовольствием поддразнила я друга.
- Да ладно, Ди, правда, что ли, с милым? Я надеюсь, это деловой ужин?
- Как раз нет, Фил, это свидание.
- Эх, детка, я как знал, что тебя нельзя отпускать в эту опасную страну свирепых мужиков и гризли.
- Эй, вы что, сговорились с Реми? Он мне тут тоже про медведей заливал.
- Вот мы с ним поговорили и пришли к выводу, что тебя пора спасать. Пожалуй, я возьму творческий отпуск и прилечу к тебе. Надеюсь, ты будешь рада?
- Творческий отпуск, серьёзно? Знаешь, чтобы ты не творил, я рада тебе всегда. А сейчас прости, дорогой, но мой спутник очень скучает без моего внимания, а это не очень удобно. Созвонимся позднее, пока.
- Какое пока? Я должен знать, с кем ты ужинаешь, Ди! А вдруг он маньяк? Ты вообще знаешь, сколько в России маньяков?
- А ты знаешь, Фил? Расскажешь об этом через пару часов, хорошо? Целую!
- Ди, ты...

Но я уже нажала отбой и тут же отправила Феликсу сообщение с извинением и обещанием перезвонить.

Пока говорила по телефону, на лице Юрия было столько эмоций: удивление, восхищение, ревность. А теперь он молча буравит меня тяжёлым взглядом и мне это очень не нравится. Терпеть не могу, когда мужчина пытается влиять на моё настроение.

– Прости, я не могла не ответить, – покаялась я перед Рыжиком, впрочем, совершенно не раскаиваясь.

– Да всё нормально, мне понравилось слушать твой голос, – и парень расплылся в обезоруживающей улыбке.

Молодец, умный мальчик, и чутко улавливает правила.

– Диан, это был испанский, я правильно понял?

– Да, испанский.

– Ты полна сюрпризов, а какие ещё языки ты знаешь? Ну, кроме французского, испанского и русского, конечно.

– Ещё английский, немецкий и китайский. И совсем немного итальянский.

Юрины глаза от удивления расширились.

– Но как? Это же... ты полиглот, значит?

– Ну, как-то так. На самом деле это не очень сложно, учитывая мою способность к языкам и то, что я подолгу жила в тех странах, чей язык осваивала. Я знаю немало людей, владеющих несколькими языками.

– Ничего себе! – восхитился Рыжик. – А в Китае ты тоже жила?

– Три года, – пробормотала я, мыслями уносясь в прошлое.

Когда-то мне было тяжело вспоминать о годах, прожитых в этой стране. Теперь я вспоминаю их с гордостью за себя и с благодарностью...

Да, старый Демон, ты оказался прав. Но смогу ли я тебя простить когда-нибудь?

– Неприятные воспоминания? – Юра с беспокойством заглянул мне в глаза.

– Разные воспоминания, Юр, но мы же не будем впадать в меланхолию, – я выдавила из себя почти жизнерадостную улыбку.

– Прости, Диана, если какие-то темы тебе неприятны, ты переключай меня сразу, хорошо? Ты говоришь, что была во многих странах... ты путешествовала с родителями?

– У меня нет родителей. Мама умерла, когда мне было двенадцать лет, а отца я ни разу не видела. Знаю, что он тоже умер. Отец был французом, а мама переводчицей – история стара, как мир.

– Прости, ради бога, мне очень жаль, – Юра выглядит смущённым и растерянным.

– Да перестань, это было слишком давно, и говорить об этом уже не больно, – я ободряюще улыбаюсь парню и делаю это почти искренне. Почти...

– Вы с мамой жили во Франции? Просто я удивлён – у тебя идеальный русский и нет акцента.

– До тринадцати лет я жила в России.

– О-о... ну тогда это всё объясняет. А как же ты стала француженкой?

– Мне повезло, – мой короткий сухой ответ ясно дал понять собеседнику, что тема исчерпана.

Спутник мой дураком не был и кивнул, принимая такое краткое объяснение. Но, быстро соскочив с неудобной темы, Юра нырнул в другую неудобную и задал вопрос, который, вероятно, давно не даёт ему покоя:

– Диана, а у тебя есть парень?

Надо бы уже расставить все точки над i.

– Скоро я выхожу замуж, Юра, – отвечаю спокойно, но у него никак не получается совладать с мимикой, чтобы скрыть разочарование.

– Вот, чёрт, извини, – хмуро произнёс парень.

– За что? Ты ничем меня не обидел.

Он посмотрел мне в глаза долгим тоскливым взглядом и произнёс:

– Думаю, если бы ты была моей невестой, я бы не позволил тебе вот так одной путешествовать.

– Вот поэтому, Юра, я не твоя невеста, – легко парирую, разжигая в парне азарт.

– Если только поэтому, то я готов пересмотреть свои взгляды, – мгновенно ориентируется Юра и заставляет меня смеяться. – И ещё мне кажется, что тебе рано выходить замуж. Нет, это не моё собачье дело, конечно, но просто ты такая... Короче, такую красоту нельзя прятать в клетку лет до тридцати, как минимум. Но всё равно, на мой взгляд, это слишком рано. Ты должна блистать, а не сковородки чистить. – Парень отчего-то нервничает.

– Какое-то у тебя странное понятие о браке... При чём здесь сковородки? И вообще, если следовать твоим критериям, то я уже вполне себе выдержанная для сковородок – мне как раз двадцать восемь, а это совсем рядом с тридцатником.

– Сколько? – искреннее недоверие Рыжика звучит приятно, хотя я и сама знаю, что выгляжу совсем юной. – Да ладно!?

– А смысл мне врать, – пожимаю плечами.

– Ну, это да, конечно... Слушай, когда я тебя увидел, то думал, что тебе максимум лет двадцать. Ох, ты и бомба, Диана.

– Да, Юрочка, внешность порой бывает так обманчива... – произношу с шутливым кокетством.

– Точно! – рассмеялся Рыжик, вероятно вспомнив утреннюю встречу, что тут же и подтвердил: – А ты действительно смогла бы опрокинуть на Серёгу тарелку с кашей?

– Конечно, и сделала бы это.

– А если бы он... Нет, мы бы конечно не позволили, но ведь могли бы быть другие, и тогда...

– Юрик, – прервала я парня, не посмевшего озвучить вероятность физической расправы надо мной. Склонившись над столом к нему ближе, я доверительно сообщила: – Я могу вырубить даже быка.

– А что ты ещё можешь? – тихо спросил Рыжик, глядя на меня с недоверием, а я с трудом сдержала смех.

Надеюсь, он не попытается устроить мне проверку.

– Много всего, Юра, чего не умеешь ты и ни один из твоих друзей.

Сейчас я не лукавлю, а парень выглядит растерянным и уязвлённым. Ну и зачем я так с ним? Он сделал позитивным мой день, а я включила наглую, самодовольную стерву – привычная защитная реакция. Но разве рядом с ним мне есть чего опасаться? Определённо нет – интуиция никогда меня не подводит.

– Юр, – я накрыла его руки своими, – а давай десерт закажем?

Рыжик как-то сразу выдохнул и закрутил головой в поисках официанта.

Да ты ж мой хороший, добрый мальчик. Сейчас зажигал бы со своими друзьями, склеил бы какую-нибудь красотку, а вместо этого выгуливаешь абсолютно бесперспективный кадр.

Официант нашёлся сразу и, приняв заказ на два кофе и пирожное, рванул исполнять. Юрик притих, приложился к кислому вину и задумчиво уставился в вырез моего платья. Надо бы его отвлечь:

– Юр, а в чём загвоздка с твоим бизнесом, можно поконкретнее?

– Да вот нашёл хорошего поставщика здесь, в Москве, – тут же включился Рыжик, – но он под реализацию никак не ведётся.

И Юра охотно посвятил меня в свои планы, идеи, перспективы и неудачи.

– Но Питер – продвинутый город, там не пытался найти поставщика?

– Да всё перерыл уже, но у нас очень дорого. Я всё подсчитал, даже с учётом стоимости доставки, из Москвы получится намного дешевле. Думал, пока буду тут, улажу вопрос, но... – Юра развёл руками и криво улыбнулся.

– А знаешь, принеси-ка мне свой бизнес-план, я посмотрю. И, возможно, у меня есть идея.

У меня действительно появилось желание, разогретое шальной мыслью – помочь парню и заодно попробовать перекроить его скромное дело в более масштабное, а заодно и себя в него внедрить. А что, Санкт Петербург – шикарный город и туда тоже не мешало бы запустить свои щупальца.

– Что за идея? – осторожно поинтересовался Юра.

– А давай я сначала почитаю твои перлы, а потом озвучу. И если ты будешь не против, возможно, я внесу свои поправки.

– Девушка-загадка, – бормочет он и смотрит на мои губы. – Диан, конечно, я не против, твори, что хочешь, особенно если это поможет мне чаще тебя видеть.

– А ты, Юрочка, прекращай уже пялиться на мои губы и грудь, иначе тебе ничего не поможет.

Остаток вечера в компании зеленоглазого рыжего обаяшки пролетел интересно и легко. Дождь закончился и, покинув ресторан, мы долго гуляли по городу пешком и много разговаривали. И лишь к поздней ночи, замёрзшие и уставшие, мы вернулись в гостиницу на такси. Юра оставил мне свою визитку, а я пообещала перезвонить на следующий день, как только освобожусь.

Проводив меня до номера, Юра целует моё запястье, продолжая смотреть мне в глаза. Куда ж тут деться от мурашек! Я улыбаюсь, желаю спокойной ночи, на что парень невесело ухмыляется, и поспешно скрываюсь в своём номере.

Не включая свет, прижимаюсь спиной к закрытой двери, успокаивая сбившееся дыхание. Как же давно у меня не было мужчины!.. Но Рыжика трогать не стоит. Этот симпатяга не заслужил быть раздавленным бездушной, расчётливой машиной в соблазнительной, но такой обманчивой оболочке.

Глава 10

2003 год

Эльвира уже давно покинула тёткину квартиру, а я продолжаю сидеть на краешке дивана рядом с неразобранной сумкой и рассматривать интерьер просторного зала. Мебель тёмно-серого цвета, пол светлый, а вот обои почему-то синие. Может, я ничего в этом не смыслю, но с обоями явный перебор. И шторы мне не нравятся – тяжёлые, с ламбрекенами и массой каких-то верёвок с крупными кистями. Но самой нелепой здесь выглядит люстра. Кажется, подобное великолепие висит в нашем дворце культуры. Я сижу в одиночестве уже давно и, по-моему, обо мне все забыли. Значит, пора уже напомнить о себе, а не изображать сиротливую овцу – «с волками жить...», как говорится.

Тётку я обнаружила в кухне. Приложив телефонную трубку к уху, она жалуется некой Аллусику, в какой невыносимой атмосфере ей теперь приходится жить, приняв на попечение невежественную, необразованную дворняжку.

Это она обо мне, что ли? Ну, что же, тогда не следует её разубеждать.

Я прошла к столу и плюхнулась на стул, создавая как можно больше шума. Тётка заткнулась на полуслове и оторопело уставилась на меня – ну, истинная горгулья. Я подарила ей очаровательную улыбку и махнула рукой – мол, вы говорите, не отвлекайтесь.

– Аллусик, я тебе позже перезвоню, – тётка отложила трубку и свирепо рявкнула: – Ты что тут подслушиваешь, тебя стучать не учили?

– Во-первых, тётя Надя, дверь была открыта, а во-вторых, Вы забыли мне показать, где я могу разложить свои вещи, и они до сих пор мнуты в дорожной сумке.

– Да ты как со мной разговариваешь, соплячка? Какая я тебе тётя Надя? А для твоих обносков у меня нет свободного места! – тётка аж вся покраснела от злости, но я невозмутимо ответила:

– А у Вас, тётушка, и для меня места нет, тогда зачем я здесь? Если кому-то это нужно, то уж точно не мне. Ну, а раз так вышло, что я уже, то будьте добры, покажите куда сложить и развесить мои немногочисленные обноски, а я, так уж и быть, избавлю Вас от общества необразованной дворняжки.

Я смотрю на тётку невинными глазами, а у самой все внутренности подрагивают от гнева, обиды и ненависти к этой бессердечной гадине. Надежда, совсем не ожидавшая такой наглости от ранее тихой сиротки, явно опешила.

– Да я тебя, паршивка, сдам в детский дом, там и будешь права качать, – заверещала она, и искажённое злобой лицо пошло пятнами.

– Да, сделайте мне, пожалуйста, такое одолжение, сдайте меня поскорее в детский дом, а то у меня аллергия на вашу люстру.

Блин, и зачем я ей про люстру брякнула?

Не знаю, чем бы всё закончилось, но на тёткин визг прибежал встревоженный Пухляк.

– Надюша, что случилось, почему ты так кричишь?

Вслед за отцом в кухню впорхнула писклявая Моль и выпучила на меня свои водянистые глазки.

Кажется, сейчас мой выход...

– Эдуард Алексеевич, я очень долго ждала, что мне покажут, куда сложить мои вещи, и зашла спросить об этом свою тётю, а она вот... разволновалась, – дала я вполне исчерпывающий ответ, а Пухляк вопросительно уставился на жену.

– Эдичка, ты просто не слышал, как эта оборванка разговаривала! Какая я ей тётушка?!. Впёрлась без стука и требует место для своего барахла! – объяснения тётки звучат явно не в её пользу, и Пухляк озадаченно хмурится.

– Мам, а у нас есть йогурт? – раздался противный голос.

«Время полдника в дурдоме!» – подумала я. После тёткиных нелогичных оправданий вопрос этого бледного недоразумения прозвучал, как пук в лужу. Пухляк, видимо, давно адаптированный к подобным аттракционам, наконец, заявил:

– Наденька, почему бы тебе не показать Диане, где ей разместить свои вещи, она ведь не может держать их в сумке. Ну, что ты так разволновалась, дорогая? – он бережно взял жену за плечи и ласково обратился к дочери: – Снежок, а ты открой холодильник и посмотри, есть ли там йогурт.

Таким образом глава семейства спокойно и без суеты разрешил все вопросы. А куда же, интересно, Артурчика унесло, он-то почему не участвует в семейном совете?

Спустя час мои вещи разложены в шкафу на единственной выделенной для меня полке, и навешаны друг на друга на единственной вешалке. Хорошо, что вещей у меня с собой совсем мало и большая часть осталась у бабки.

* * *

В десять вечера я выключила в зале свет, плотно прикрыла дверь и легла в постель. Из коридора донеслось возмущённое:

– Ну и что, Эдик, ты считаешь, что это нормально? Нам что теперь, и телевизор не посмотреть, и к компьютеру не подойти?

– Почему, Надюш?

– Эта девка закрылась в нашем зале и выключила свет. Ты считаешь это нормальным?

– Наденька, но ведь уже поздно, а ей в школу рано вставать и ехать далеко.

– Эдик, ты совсем ничего не понимаешь, да? Может, тебя вообще всё устраивает? И где, кстати, Артур? Позвони ему! Я не удивлюсь, если он из-за этой не хочет домой возвращаться.

2

Я проснулась от боли в ноге и сразу зажмурилась от яркого света люстры, ударившего по глазам. С удивлением услышала, что громко работает телевизор, и оторопела, обнаружив поверх одеяла сидящего прямо на моих ногах... Артурчика! Он вальяжно расположился с пакетом чипсов, крошки от которых захламили всю мою постель, оставив жирные пятна.

– Ты что творишь, придурок?! А ничего, что я здесь сплю? – я выдернула ноги из-под задницы оборзевшего братца.

Ну, ничего себе, гостеприимство!

– В отличие от тебя, овца приبلудная, я у себя дома, на собственном диване! И смотрю, между прочим, свой телевизор, – зло прошипел этот дурень.

Часы на стене известили меня о начале первого ночи, и я с тоской поняла, что в этой семье мне будет гораздо сложнее, чем я предполагала изначально. Тогда я попыталась сменить тактику и заговорила вполне миролюбиво:

– Артур, послушай, пожалуйста... Не моё было решение переехать к вам, и находиться здесь мне не нравится, может быть, больше, чем тебе меня видеть. Но так уж вышло, и ни я, ни ты изменить этого пока не можем. Поэтому давай попытаемся смириться... ну, хотя бы на время.

Артур подскочил так, будто его ужалили в зад.

– Мириться с тобой, грязная нищелюбка? Ну, уж нет! Ты кто такая, чтобы диктовать, что мне делать в собственном доме? И какое ты имеешь право здесь свой рот разевать, вонючая приживалка? Развалилась тут!.. Мебель нашу пачкаешь... Твоё место на помойке, чурка безродная, поняла?

Это оказалось не просто обидно, а настолько оглушительно, что я даже не представляю, как реагировать. Я за всю свою жизнь не слышала столько изощрённых оскорблений в свой адрес... как сейчас, в этой семье.

– Ты глухая? Я спросил – ты меня поняла?

А я молча смотрю в глаза этому злобному чудовищу... и нет – не понимаю. Да как это можно понять и чем на это ответить?

– Ты, овца дебильная, язык проглотила или в уши долбишься? – он завёлся ещё сильнее.

Я продолжаю упрямо молчать в надежде, что этому уроду надоест распаляться, и он, наконец, уйдёт. Но я ошиблась. Не дождавшись ответа, Артур схватил меня за косу и изо всех сил сдёрнул с дивана. От неожиданности я выставила вперёд руки и тут же услышала противный хруст.

Лёжа на полу, я тихо заскулила от нестерпимой боли, а чокнутый братец тут же отскочил от меня и зашипел:

– Заткнись, дура, я тебя не трогал, сама с дивана наверхнулась. Заглохни, сказал!

Но меня и так почти не слышно, а тихие стоны я сдерживать просто не в силах. Опершись на правую руку, я поднялась с пола. Кисть левой руки выглядит странно вывернутой и очень страшной. Что же мне делать? В глазах моего мучителя я замечаю промелькнувший испуг.

– Ты сама, – злобно напомнил он и быстро покинул комнату.

И как же я теперь с такой рукой?

Больше уснуть я так и не смогла. Пару раз проваливалась в сон, но резкая боль беспощадно выдёргивала меня в реальность. В пять утра прозвонил будильник – наконец-то! Я встала и потихоньку прокралась в ванную. В том, что рука сломана, нет никаких сомнений – она посинела, увеличилась почти вдвое и так нестерпимо болит! Я стиснула зубы, чтобы не издавать скулящих звуков.

На сборы в школу времени ушло много, а о завтраке даже и думать нечего – и так уже опаздываю. Новая проблема нарисовалась перед выходом – кто закроет за мной дверь? Во сколько вообще это семейство просыпается? Уже начало седьмого, и сколько ещё мне ждать?

К счастью, долго ждать не пришлось. Из недр огромной квартиры показался пошатывающийся, полусонный Пухляк в смешной полосатой пижаме. Видимо, ползёт в туалет. Заметив меня, стоявшую у входной двери при полном параде, он вздрогнул от неожиданности.

– А ты чего тут? – прошептал Пухляк, подслеповато щурясь.

– Я уже в школу опаздываю, а ехать далеко. Вот и стою, жду, кто за мной дверь закроет.

– А-а... да, извини... Что-то мы не подумали об этом, но решим... решим обязательно. А ты давай, счастливо тебе, – проговорил простодушный дядечка, выпуская меня из квартиры.

Ох, знал бы ты, как мне уже посчастливилось, спасибо за это твоему сыночку. И как ты только живёшь в этом гадюшнике?

* * *

Пропустив уже четвертую, битком набитую маршрутку, я поняла, что в школу безнадёжно опоздала, а лезть в эту давиловку с больной рукой я ни за что не рискну. С трудом достав телефон, набрала Шерхана. Он ответил сразу:

– Диана, что случилось? – в его голосе столько тревоги и участия, что я мгновенно проглотила все заготовленные слова и просто разревелась. – Диана, где ты, скажи мне, пожалуйста?!

Сквозь судорожные всхлипывания мне удалось выдать:

– На остановке «Молодёжная»... Я руку сломала и не могу уехать.

– Господи, Диана, что ты там забыла? Ох, да какая разница, тебе же срочно надо срочно в травмпункт! Так, туда-сюда – это долго... Сейчас я тебе вызову такси к остановке, поедешь

в больницу, а я сразу туда. Поняла? Встречу тебя и расплачусь за машину. Назови мне точный адрес, где ты находишься.

* * *

Подъезжая в такси к детской больнице, я уже издалека заметила мощную фигуру Шерхана. Нетерпеливо поглядывая на часы, он меряет широкими шагами территорию перед приёмным отделением. Наверное, я оторвала его от важных дел – расхныкалась, как дура. Завидев приближающуюся машину, Шерхан бросился навстречу, сломя голову. А когда я увидела его глаза, полные беспокойства, то снова разревелась, уткнувшись лицом в его грудь и обхватив здоровой рукой его широкий торс.

– Эх, маленькая ты моя девочка, за что же тебе это всё? – горестно выдохнул Шерхан, ласково поглаживая меня по спине.

* * *

Мы вдвоём сидим в маленьком, уютном кафе, где я с волчьим аппетитом уплетаю свой завтрак. Перелом оказался со смещением, и носить гипсовую повязку предстоит ещё долго. Точнее станет известно после контрольного снимка.

Но как же я теперь буду танцевать?! Как же мой чемпионат?..

Шерхану я рассказала всё, кроме подробностей моей травмы. Сказала ему, что упала на ступеньках. Ну а как я могла сказать правду? Он же начнёт изводить себя, призывать к ответу виновных, а оно мне надо – усугублять своё положение в тылу врага? А так... Может, этот придурок Артурчик теперь отстанет от меня.

* * *

В девять часов вечера я сижу на лавочке у подъезда ненавистного дома, жалею себя и тихо глотаю слёзы. Кто их заметит в темноте? Раньше я редко плакала – мама боялась моих слёз и старалась их не допускать, вовремя успокоить. Да и поводов страдать как-то не было. А что теперь? Теперь в моей жизни нет повода не плакать. До моего совершеннолетия ещё целых пять лет! Неужели я проведу их здесь, рядом с этими чудовищами?! Я должна что-то придумать, чтобы спастись, вырваться из-под их отвратительной и оскорбительной опеки. Но слёзы мне ничем не помогут, и я ни за что не покажу их этим извергам... Не доставлю им такой радости!

Где же ты, мамочка моя, знаешь ли ты, как нужна мне, как мне тебя не хватает? Слышишь, мама, как мне страшно и одиноко? Как мне больно...

Глава 11

2018 год

Офис строительного холдинга «СОК-строй» занимает сорок четвёртый этаж одной из величественных башен «Москва-Сити». Войдя в приёмную, я поприветствовала секретаршу Риммочку, сосредоточенно цокающую по клавиатуре ярко-красными ноготками-стилетами. Риммочка повернула ко мне своё кукольное личико и засверкала ослепительной улыбкой.

– Добрый день, Диана, а я Вас помню и очень рада видеть. Приготовить Вам чай или кофе?

Я тоже хорошо тебя запомнила, девочка, – с того момента, как твоя взъерошенная голова показалась из-под стола шефа. Смею предположить, что ты способный работник, раз всё ещё здесь.

– Здравствуйте, Римма, рада, что помните. Мне, пожалуйста, зелёный чай с лимоном и без сахара. Олег Константинович у себя?

– Да, конечно, он Вас ждёт. Ваш постоянный пропуск будет готов уже завтра.

Риммочка щебечет, как птичка, хлопает веерными ресницами, широко улыбается, но почему-то совсем не раздражает. Вероятно, потому что в её общении со мной я не чувствую фальши. Девушка нажала кнопку селектора и мелодично пропела:

– Олег Константинович, к вам мадемуазель Диана Шеро.

Пять баллов, девочка!

Дверь кабинета распахнулась, и навстречу мне вышел... «Карабас-Барабас». Всё никак не могу привыкнуть к его колоритной внешности – вылитый лохматый, бородатый злодей из советской сказки про Буратино, только в костюме от Brioni. Не подозревала, что они обшивают бегемотов. Соколов расплылся в счастливой улыбке.

– Дианочка, дорогая! – он схватил меня за руку и припал губами к тыльной стороне ладони, щекоча кожу своей буйной растительностью.

Ужас! Срочно захотелось помыть руки с хлоркой и расхотелось быть любезной. А ещё я прониклась внезапным сочувствием к Риммочке.

– Здравствуйте, Олег Константинович, в кабинет пригласите? – я даже не пытаюсь скрыть раздражение.

– Диана, Вы, как всегда, строги и неприступны. И стали ещё ослепительнее. И как такое возможно? Прошу Вас, дорогая, – Карабас посторонился, пропуская меня в кабинет, и гаркнул в сторону:

– Римма, мне кофе! А Вам, Диана?

– Я уже попросила чай.

Большой босс вернулся на своё руководительское место, и кресло под ним жалобно застонало. Я же расположилась в кресле напротив и взяла быка за рога.

– Мне нужна небольшая квартирка в центре, двушки будет достаточно.

– А помощь с гражданством? – с готовностью откликнулся Карабас, словно вопрос с квартирой уже решён.

– Пока нет, но спасибо, что предложили.

– Дианочка, для Вас хоть звезду с неба, и регистрация у Вас, считайте, уже есть. А квартира нужна временная или как?

– Или как. Хотя... пока можно и временную, а там посмотрим. Как, кстати, моя «Крепость»?

– Дорогая моя, Вы же знаете, объект давно готов, сейчас отделка, а Ваша «Крепость» ждёт Ваших смелых решений. Если бы я знал хотя бы вчера, что буду иметь удовольствие видеть

Вас, то сейчас я бы уже мог выдать полную информацию. Но не волнуйтесь, мы всё оперативно выясним, сейчас Ланевскому позвоним, – засуетился Карабас.

– Потом позвоним Ланевскому. Так что с московской квартирой?

– Нет проблем, сегодня Вам Римма сбросит на мыло несколько вариантов.

– С Вами, Олег Константинович, приятно иметь дело.

– А уж как нам с Вами приятно!

В дверь постучали, и вошла Риммочка с подносом.

– Кстати, Дианочка, – спохватился Карабас, – а может, Вам дать водителя? Очень толковый малый, он у меня на подмене. Вы с ним нигде не опоздаете, и кучу времени сэкономите.

Римма расставила на столе чашки и тихонько мне шепнула:

– Есть очень вкусные кексики.

Я с улыбкой кивнула ей и ответила Карабасу:

– Олег Константинович, Вы так предупредительны и безотказны сегодня, что, подозреваю, у Вас есть план.

Римма тихо выскользнула из кабинета.

– Дианочка, да разве ж Вам кто-то может отказать? – Это он верно подметил. – А план, моя прекрасная леди, у меня есть всегда. Но мои планы могут и подождать, а мы пока сосредоточимся на Ваших делах первостепенной важности. Ну, так что насчёт водителя?

В кабинет снова впорхнула Римма и поставила передо мной блюдо с выложенными на нём крошечными шоколадными кексами. Карабас поморщился.

– Кто эту дурь вообще придумал и как это можно есть? Почему не слепить один нормальный пирожок? А это же извращение какое-то!

– Какой ещё пирожок, это кексики, Олег Константинович! – возмутилась Риммочка в защиту предложенного лакомства.

– Спасибо, Римма, выглядит очень аппетитно, – я благодарно улыбнулась девушке и обратилась к Соколову: – Водитель – это хорошо, не буду отказываться и, надеюсь, займу его ненадолго... максимум, на пару дней, пока не заберу свою машину.

– Он всегда будет к Вашим услугам, – великодушно предложил Карабас и скомандовал: – Римма, Алексея мне найди срочно.

– Хорошо, Олег Константинович, – деловито отчеканила его помощница и выпорхнула из кабинета.

– А что у Вас здесь за машина? – полюбопытствовал Соколов.

– А, да пока не о чем говорить, – соскочила я с темы, и он не стал настаивать.

– А ведь я, Дианочка, скоро перебираюсь в новый офис, уже всё достроил. Надеюсь, что Вам понравится. Жаль только, что потеряю этот великолепный обзор, – Карабас кивнул на окно, открывающее панорамный вид на столицу, – но это единственное и незначительное «жаль». Зато в остальном... ум-м, жду не дождусь. А хотите, мы и для Вас тоже личный кабинет обустроим? Достойный императрицы!

– Пока не вижу в этом необходимости, но спасибо, я подумаю, если предложение долгосрочное.

– Для Вас, прекрасная Диана, все мои предложения бессрочны, – промурлыкал довольный Карабас.

Кексы и правда оказались восхитительными и просто таяли во рту, оставляя на языке вкус жареного миндаля и шоколада. Хозяин же кабинета наблюдает за мной с неприкрытым наслаждением и, наконец, произносит:

– Бесконечно можно делать три вещи: смотреть на Вас, Дианочка, слушать Ваш дивный голос и наблюдать, как погибают мои конкуренты... В идеале, с Вашей помощью.

– Да Вы философ, Олег Константинович, – я почти искренне улыбаюсь хитрому льстецу и прохожу.

Ещё некоторое время в расслабленной атмосфере мы говорим о ценах на недвижимость в Москве и Париже, о недоразвитом фондовом рынке в России, о безобразной организации рынка ценных бумаг в Америке, и о моей значимой роли в привлечении будущих инвесторов к нашим будущим успешным проектам.

– Дианочка, подумать только – в таком нежном возрасте у Вас столь обширные знания, – искренне восхищается Карабас.

Это хорошо, что он так думает, потому что во всех этих ценных бумагах я полный профан. О степени развития России в этой области и об организованности Америки я готова рассуждать долго, если только диалог ведёт собеседник. К счастью, я богата иными полезными навыками, которые помогают мне не перегружать мозг лишней информацией. А в подобных беседах меня спасают отличная память, прекрасная интуиция и убойное обаяние. И образование, конечно – куда же без него!

– Приходилось очень много учиться, – пояснила я, не уточняя, где и чему мне пришлось обучаться.

– О, да – Гарвардский университет – настоящая кузница волшебников! – Соколов сверлит меня изучающим взглядом.

– Волшебники – это из Хогвартса, – парирую я, одаривая собеседника обворожительной улыбкой.

Если этому дотошному пузану известно, что я училась в Гарварде, то, наверняка, не осталось тайной, как быстро я оттуда вылетела. До сих пор не жалею об этом. Но обсуждать с Карабасом такие подробности я не намерена. В конце концов, своим образованием я горжусь, а там, где его не хватает, помогает... волшебство.

Очень своевременно прошёл вызов селектора, и нежный Риммочкин голос проворковал:

– Алексей уже здесь, Олег Константинович.

2

Алексей оказался кладезем полезной информации. Щуплый, невысокого роста, с веснушками на носу, улыбчивый парень, кажется, знает каждый квадратный метр огромного города, помнит часы работы важных служб и даже расписание нужных авиарейсов и пригородных поездов. Автомобиль водит лихо, на вопросы отвечает быстро, маршруты перестраивает мгновенно, избегая попадания в затор. Этакий весёлый робот.

Мы посетили паспортно-визовую службу, представительство «Porsche», пообедали в ресторане, сделали несколько мелких покупок и даже посмотрели пару квартир, выбранных мной из множества вариантов, которые Риммочка скинула мне на почту. Обе квартиры оказались достойными и, пожалуй, одна из них будет моей. Осталось только выбрать и создать интерьер.

Карабас явно задумал очередную авантюру. И дело не только в изобилии щедрых предложений с его стороны, так как его щедрость мной вознаграждена авансом в десятикратном размере. Дело в самом факте поступивших предложений. Соколов Олег Константинович, глава строительного холдинга «СОК-строй», он же Карабас, несомненно готов выполнять все мои требования, но предлагать блага, о которых не просят, не в его расчётливой натуре.

А с амурными поползновениями в мой адрес Карабас завязал ещё в первую нашу встречу, когда чуть не остался без мужских причиндалов. Мудро рассудив, что обижаться и злиться на меня себе дороже, Соколов попытался наладить со мной крепкую дружбу, основанную на взаимовыгодном сотрудничестве. И раз все его щедрые предложения бессрочны, как он выразился, значит, в моих услугах он планирует нуждаться ещё очень долго. А главное, что меня это вполне устраивает.

Мой приткий водитель высадил меня у гостиницы и поинтересовался, нужен ли он мне сегодня, и в какое время ему быть завтра. Я отпустила парня отдыхать и пообещала позвонить, если его услуги мне понадобятся.

* * *

На ресепшне меня уже ожидают несколько сообщений. Я просмотрела оставленные записки и улыбнулась. День прошёл плодотворно, надеюсь, и вечер не подкачает. Записку от Юры с просьбой ему позвонить я отложила на потом. А сначала мне нужно принять ванну и расслабиться.

Сбрасывая дневное напряжение в тёплой воде и пушистой пене, я позвонила Реми, но абонент оказался не в сети. Сегодня от него пришло лишь одно сообщение с пожеланием хорошего дня и смайликом. Как же трудно быть от него далеко. В попытке прогнать тоску я набрала Феликса.

– Неужели моя звезда наконец-то снизошла до меня? – без предисловий съязвил мой друг.

– Фил, что за наезды, ты ведь знаешь, что у меня сегодня насыщенная программа, – пытаюсь оправдаться.

– И как всё прошло? – оживился Феликс.

– Даже лучше, чем ожидалось.

– Тогда поздравляю, я в тебе и не сомневался. А почему у тебя голос грустный?

– Разве? – рассеянно бормочу, словно забыв, что Феликс меня чувствует даже на расстоянии.

– Детка, рассказывай, что случилось? Если бы я не знал тебя настолько хорошо, то подумал бы, что ты влюбилась. Но ведь это не так?

– Я позвонила Реми, а он недоступен, – со вздохом пожаловалась Феликсу.

– Девочка моя, дай парню вздохнуть, ну куда он от тебя денется? Конечно, с ним всё в порядке! Но ведь, кроме тебя, безусловно, самой важной для него персоны, у него ещё есть право на жизнь. И не спорь со мной, я уже слышу, как ты запыхтела. – Фил действительно слишком хорошо меня знает.

– Наверное, ты прав, – с грустью соглашаюсь.

– Да я всегда прав! И всегда беспокоюсь о тебе, а вот ты обо мне вчера даже не вспомнила. Я, как мудака, полночи ждал, что ты позвонишь, а ты...

– Прости, Фели, я просто вернулась очень поздно, да и рассказывать особенно нечего.

– Хочешь сказать, что провела весь вечер и полночи с одним из членовосцев, и тебе не в чем мне признаться?

Признаваться действительно не в чем, но вчерашний и сегодняшний дни я пересказала своему другу в подробностях.

– Ты молодец, детка, хватку не теряешь, но, пожалуйста, будь осторожна. Мне кажется, что ты беззащитна вдали от меня, – проникновенный голос Феликса ласкает мой слух.

– Фели, я очень хочу, чтобы ты прилетел, но не сейчас... а когда будет готова моя «Крепость».

– Так это же нескоро! – возмутился Феликс.

– Надеюсь, что скорее, чем нескоро, а до этого я успею сама тебя навестить, – успокаиваю друга. Я знаю, что он тоскует, да я и сама без него ощущаю себя неполной, что тут же и озвучиваю: – Я тоже очень скучаю, Фил... Без тебя – это как без крыльев.

– А без Реми? – осторожно спрашивает он.

– А без Реми, как без сердца, – отвечаю, не задумываясь.

– Значит, мы оба с тобой инвалиды.

* * *

В номере надывается стационарный телефон – точно Рыжик. Я же сказала, что сама ему позвоню, вот пусть и ждёт. Спустя пять минут раздался стук в дверь. Ну, Юра, если это ты – берегись! Я резко распахнула дверь, но за ней оказался работник отеля. В одной руке парень держит огромную корзину красных роз, а в другой круглый букет из мелких белых розочек вперемешку с алыми сердечками-конфетками на тонких деревянных спицах. Милый такой букетик!

Карточка из корзины гласит: «Самой роскошной женщине» – ага, это от Карабаса. Содержание открытки из цветочно-конфетного букета заставило улыбнуться – «Для Богини Луны и охоты. Ваша раненая добыча рискует не дожить до прихода Луны». Респект тебе, Юрочка, за букет и моё искреннее сочувствие за волнения. Позвонив рыжему «подранку», я попросила ждать меня в ресторане отеля через час, смокинг не надевать и захватить свой бизнес-план. Посмотрим, как наш Юрок выдержит второй вечер испытания мной.

Короткое, до середины бёдер серое платье из тонкого трикотажа выглядело очень целомудренным, пока не облепило мою фигуру. Высокие замшевые сапожки на низком ходу выгодно облегают ножки. Волосы я заплела в объёмную, широкую косу и выпустила пару тонких прядей с двух сторон. Из макияжа только блеск для губ. Перед выходом с удовольствием оглядываю себя в зеркале – соблазнительная невинность. На деле же – волчица в шкуре ягнёнка. Не найдя изъянов в своём отражении, я прихватила любимую сумочку и вышла из номера.

Появление моей скромной персоны в переполненном ресторане, ожидаемо, не осталось незамеченным. Но сегодня я не против. Обвожу взглядом зал и замечаю одиноко сидящего за дальним столиком Юрия. Он явно волнуется, поглядывая на часы, но вдруг замечает меня, широко улыбается и поднимается из-за стола. На нём классические брюки и свободный светлый джемпер – мило. Недалеко от него обнаруживаю ещё парочку знакомых вытянувшихся лиц и ухмыляюсь.

Больше не глядя по сторонам, я иду навстречу уже спешащему ко мне симпатичному Рыжику, а подойдя к нему вплотную, вдруг поддаюсь внезапному порыву – прижимаюсь к нему всем телом и, встав на носочки, невесомо целую в уголок губ. Обалдевшему парню я спешу объяснить свою выходку тем, что заметила недалеко от нашего столика его друзей и решила их поддразнить. Счастливый взгляд зелёных глаз вмиг потускнел. Жестоко, наверное... Нн не признаваться же ему в своём безумном порыве об него потереться.

Спасибо Рыжику за этот великолепный вечер! Мы очень много танцевали, шутили, смеялись и выпивали. Юра был настолько обаятелен, что в какой-то момент у меня промелькнула мысль, что это не я, а именно он сегодня вечером испытывает на меня прочность. А ночью, прощаясь у двери моего номера, Юра, как и вчера, нежно поцеловал моё запястье и тихо произнёс, глядя мне в глаза:

– Когда в следующий раз, Диана, ты решишь поцеловать меня, чтобы кого-то поддразнить, прости, если я не сдержусь. Я ведь не железный дровосек.

Не дожидаясь ответа, он резко развернулся и ушёл, а я ещё с минуту стояла перед дверью и думала о том, что застряла в собственных сетях. Но Рыжик поступил правильно, что ушёл сейчас, иначе уже не ушёл бы от меня до утра.

С Рыжиком я ничего не планирую, просто следую за импульсами. Неизменным осталось и то, что, окажись он в моей постели сегодня, то уже завтра станет очередной зарубкой на ножке кровати, просто новым трофеем в череде безликих и безымянных самцов. Возможно, он интуитивно это понял и своим уходом дал себе шанс задержаться в моей жизни. Спасибо ему за это. Я обязательно постараюсь помочь этому замечательному рыжему мальчику, даже

если его бизнес-план никуда не годится. Я помогу ему стать успешным уже за то, что сегодня он сделал мою жизнь немного счастливее, и за то, что сделал меня в моей же игре.

Глава 12

2003 год

Человек может привыкнуть ко всему, вот и я привыкла и адаптировалась в стане врага. А точнее, я просто попыталась абстрагироваться от неприязни людей, с которыми вынуждена жить под одной крышей, научилась игнорировать их враждебные взгляды. Тётка перекрыла свои нападки в мой адрес, вероятно, поняв, что я крепкий орешек, и легко раздавить меня не получится. Свои-то нервы дороже! Ведь от стрессов появляются преждевременные морщины, а из-за морщин, опять же, возникают стрессы. А такой круговорот моей холёной тётке противопоказан. Она просто открыто стала игнорировать моё присутствие, что меня вполне устроило. К тому же его, моего присутствия, в этой квартире так ничтожно мало, что обо мне легко забыть вовсе. Кстати именно так и поступил Артур. Он больше ни разу не вторгся ко мне посреди ночи, а в остальное время у нас просто не было возможности пересечься.

Обычно я покидала квартиру рано утром, когда все ещё спали, а возвращалась как можно позднее. Быстро приняв душ и постирав своё бельё, я ложилась в постель и отрезала себя от обитателей этого негостеприимного жилища, прикрыв плотно дверь и погасив свет. Надо сказать, стирать одной рукой было нелёгким испытанием, но жизнь заставит – и не так раскорячишься.

Добродушный Пухляк исправно просыпался каждое утро, чтобы выпустить меня из квартиры и закрыть за мной дверь. Однако в период весенних каникул мне пришлось нелегко. Чтобы не оставаться в квартире с тёткиными отпрысками и самой тёткой, я старалась покинуть свою ночлежку вместе с Пухляком, который уезжал на работу в восемь утра и подвозил меня на своём «Форде» в центр города. Там я беспечно слонялась, как бродяжка, обдуваемая ветрами, а часам к одиннадцати, замёрзшая и голодная, тащилась к одной из своих подруг. Девчонки ругали меня, заставляли будить их и не мёрзнуть, но я выкручивалась, придумывала отговорки, но не смела им мешать отсыпаться на каникулах. Я и так уже напрягла своими проблемами слишком многих людей.

Для Пухляка я тоже придумывала важные утренние дела – то школьные мероприятия, то физиопроцедуры, то ранние тренировки. К счастью, он с лёгкостью всему верил, ведь до меня ему тоже не было никакого дела. Просто, будучи человеком мягким, он не мог не проявить участия к находящемуся рядом ребёнку. А удовлетворившись моим ответом, пухлый Эдичка стандартно желал мне удачи и тут же забывал о моём существовании до новой встречи.

Работал Пухляк в какой-то юридической фирме и занимался скучной гражданской рутинной. Такой себе тихий, незаметный человечек, живущий в своём тухлом зоопарке, состоявшем из ядовитой рептилии, злобного шакала и мелкого, писклявого насекомого. Сама же рептилия, она же тётка Надя, владела салоном красоты под гордым названием «Надежда», и свой рабочий график выстраивала по собственному усмотрению. А усмотрела она, что будить свой организм ранее девяти утра бесполезно, тем более в период школьных каникул. И, поскольку встречаться с этим семейством по утрам я желания не испытывала, то составлять компанию Пухляку было самым оптимальным вариантом. Впервые в жизни я с нетерпением ждала окончания каникул. Хорошо, что они короткие, а потом всё должно снова пойти по выстроенному мной графику.

Досадным недоразумением в этот период стала бледнолицая Снежаночка. Именно её я частенько заставляла сидящей за компьютером, когда вечером возвращалась в немилую квартиру. И почему они не перенесут этот ящик в одну из своих комнат? Заодно и телевизор прихватили бы. Хотя ещё один телек, только маленький, имелся в кухне, а возможно, и в других комнатах, где я ни разу не была и не имела никакого желания быть.

Снежаночка, каждый раз, когда я заставляла её на отведённой мне территории, пыталась вывести меня на общение. Это было то ещё удовольствие. Её глупые вопросы типа: «А зачем

тебе такие длинные волосы?», «А тебе гипс на руке не мешает?», или «А ты уже целовалась с мальчиками?» – меня жутко выбешивали. Выглядит, как облезлый заморыш, а туда же – к поцелуям. Боюсь, что этой бабочке-капустнице такое счастье светит только во сне.

Зато вопрос о длине моих волос встал снова, и подняла его Эльвира. У бабки я оставалась ночевать каждую неделю, в ночь с субботы на воскресенье. Она закидывала в стирку мои вещи, так как одной рукой я научилась стирать только свои трусики, и помогала мне мыть голову. Среди недели я обращалась за этой процедурой в парикмахерскую, и стоило это совсем недёшево, учитывая густоту и длину моих волос. Вот тогда бабка авторитетно заявила, что это неоправданные траты, а одной рукой мне всё равно не справиться с такой гривой, и настояла на том, чтобы укоротить мои волосы хотя бы до уровня лопаток.

Мне было очень жаль, да что там очень – сердце разрывалось! Мамочка так гордилась моими волосами, так за ними ухаживала, а теперь, будто режешь связывающие нас нити. Глупо, наверное, так думать, но для меня всё связанное с памятью о маме имело наивысшую ценность. Но в данных обстоятельствах спорить с бабкой я не решилась, принимая её доводы, и мои волосы сильно укоротили. Отрезанную копну я оставила парикмахеру, за что получила бесплатную стрижку и три бесплатные процедуры мытья головы. Да за такой роскошный подарок они должны мне до совершеннолетия красоту наводить!

Глядя на меня с новой причёской, бабка довольно заметила, что настоящую красоту ничем не испортишь. Из зеркала на меня смотрела смуглая, стройная и хмурая красавица с колючим янтарным взглядом и роскошной копной каштановых, отливающих медью на солнце, волос. Выглядеть я стала почему-то ещё более взрослой. Бабка показалась вполне искренней, когда рассыпалась в комплиментах, но, если вспомнить, как она нахваливала свою блёклую Молю, сразу начинаешь сомневаться в её объективности. Хотя любовь слепа и глуха, а внуков своих Эльвира действительно любит.

В собственной привлекательности я больше не сомневаюсь. Приобретённая стройность очень подходит моей экзотической внешности, и я даже стала частенько ловить на себе бабкины восхищённые взгляды. Вот именно они и вгоняют меня в ступор. Надо же, ей действительно нравится, как я выгляжу, а ведь она всегда считала меня позором семьи.

Сейчас-то я понимаю, что бабка относится ко мне неплохо. Она проявляет заботу в отношении моего здоровья и правильного питания, когда я гощу у неё, и несколько в неделю звонит мне на мобильник, чтобы справиться о моём самочувствии. Короче, старается бабуля.

А там, где мне приходится жить, а точнее, проводить ночи, я не притронулась к пище ни разу, просто не смогла. Но и говорить об этом бабке или Шерхану не стала, чтобы они не попытались привлечь внимание безответственных опекунов к моей оголодавшей персоне.

Правда, не так уж я и голодаю, ведь у меня есть друзья, которые очень даже в курсе моей проблемы. Дашка каждое утро приносит в школу чай в термосе или какао, а булочки, пирожки и бутерброды они с Янкой таскают по очереди. Обедом меня обычно кормит Шерхан. Он приносит для меня домашнюю еду, а если не удаётся принести из дома, всегда ведёт в кафе или столовую. Ужинаю я нечасто, только когда мы с Серёжей заезжаем посидеть в кафе после тренировки. И по-прежнему каждый вечер я пропадаю в танцевальном зале.

Моя травма, конечно, нарушила все планы, но неунывающий оптимист Серёжа быстро построил для нас с Витьком новые горизонты, и мы к ним старательно стремимся. Ну, как стремимся – репетировать по полной программе я пока не могу, но всё же рука – это не нога, и передышек я себе не позволяю. Нельзя же терять форму, да и Витьку необходимо работать. А Витюша вокруг меня, как наседка, кружит – и на физиопроцедуры сопровождает, и домой частенько провожает, и шоколадками подкармливает. В это нелёгкое для меня время его искренняя забота оказалась очень приятной и нужной – спасибо ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.